

ДАРЬЯ МАКАРОВА

Тайны Эдема

16+

Дарья Макарова

Тайны Эдема

«Автор»

2020

Макарова Д.

Тайны Эдема / Д. Макарова — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-94045-1

Нет в мире большей загадки, чем женщина. Прославленный гений Давид Терновцов понимал это прекрасно. Десятилетиями ища по миру диковинные произведения искусства, собрал он и коллекцию собственных муз. Каждая его женщина могла похвастаться красотой, талантом и характером. Он ценил и баловал их всех, но ни одну не любил. Не стал он и примерным семьянином, братом и отцом. И не снискавшие его любви принесли ему горе и смерть. Но надежды получить если не любовь, то состояние богатого творца оказались напрасны. Своим наследникам он оставил последнюю загадку, разгадав которую, они узнают не только все семейные тайны, найдут клад, но и обретут (а быть может окончательно потеряют) самих себя.

ISBN 978-5-532-94045-1

© Макарова Д., 2020

© Автор, 2020

Дарья Макарова Тайны Эдема

– Тьма сгущается перед рассветом. Разве ты не знала?

Вздвигнув всем телом, я проснулась. Сердце билось в груди, будто птица в силках. Не чувствуя собственного тела, я с превеликим трудом приподнялась. Свесив ноги с кровати, бездумно тарасилась в пол. Пальцы противно дрожали. Эхо его голоса все еще звучало в голове, разносило в клочья душу.

Я перевела взгляд на часы. Без пятнадцати семь. Сколько я спала сегодняшней ночью? Полчаса от силы. И то... Чертовы кошмары. Лучше бы и не ложилась.

Чувствуя себя разбитой старой торбой, я продолжала сидеть на месте. Я не зашторила на ночь окна. Комната наполнилась невесомым светом белых ночей.

Аромат сирени проник в мою спальню, словно вор сквозь приоткрытое окно. В любой другой день я вдыхала бы его не спеша, с удовольствием, пытаюсь почувствовать каждую нотку.

В любой другой день. Но не сегодня.

Сконцентрировав сердитый взгляд на циферблате, я ждала, пока часы покажут ровно семь. До будильника оставалось спать еще час. Но подобных снов я и врагу не пожелаю.

Час пробил. Время горевать прошло. Пора браться за дело.

Монотонные привычные действия помогли окончательно прийти в себя. Принять прохладный душ, застелить постель. Легкий, едва заметный макияж. Помада сегодня осталась в косметичке. Лишь блеск на губах. Волосы в строгий пучок. Крошечные серьги с жемчугом едва заметны. Больше никаких украшений.

Очки. Нужно обязательно взять солнцезащитные очки, чтобы никто не видел глаз.

Бросив футляр с очками в сумочку, я зашла в гардеробную. Пустые полки, пустые вешалки. Ни единой пылинки. Ни единой соринки.

Одно лишь черное платье болтается на плечиках, а под ним – туфли-лодочки. Такие же черные, как и моя душа сегодня.

Я надела его не спеша, стараясь не вспоминать, как и почему собирала свои вещи. Заставляя себя не думать о том, что ждет сегодня и в ближайшие дни. Жалкая попытка отсрочить неизбежное. Признаю. Но все же пытаюсь спрятаться. От себя.

Повязав тончайший кружевной шарф на волосы, я придирчиво оглядела себя в зеркало. Он терпеть не мог незавершенности. Во всем и всегда искал идеал. В женщине особенно.

Окинув прощальным взглядом просторную спальню, я застегнула чемодан. Машинально взяв ключ с длинной пушистой кисточкой, замерла нерешительно. Ритуалы и привычки, дань каждодневной действительности, теперь потеряли всякий смысл.

Запирать свою комнату я не стала. Вставила ключ в замок и пошла вдоль по коридору не оборачиваясь. Всерьез боясь превратиться в соляной столб или статую из собственных ранящих воспоминаний.

Слышав отзвук чужих разговоров из кухни, я незаметно прошмыгнула в гараж. Очередная отсрочка неизбежного. Но даже лишних пять минут без чужих разговоров и домыслов – подарок для меня.

Доставшийся от мамы «Форд», словно верный конь ожидал меня в огромном гараже. Среди элитных иномарок и раритетных ретро-автомобилей он смотрелся будто ослик в конюшне арабских лошадей. Мама называла его «Мой Сапфир». За красивый цвет и, полагаю, стоимость выплаченного кредита, превратившего рядовую машину в неприлично дорогую.

Забросив чемодан в багажник, а сумку на переднее сиденье, я пошла обратно. Задержалась возле двери, оставив ключи от теперь уже не моей «БМВ» на стенде с остальными ключами.

Уходя я обернулась и, задержав взгляд на мамином «Форде», впервые за минувшие дни почувствовала тихую радость. Словно обещание, что скоро все наладится. Я справлюсь, как всегда справлялась она.

Стоило мне появиться на кухне, как на разнесчастных лицах показались улыбки. Но были они до того жалки и натянуты, что оказались не способны обмануть даже своих хозяев, и тут же исчезли.

Люба поспешно бросилась ставить чайник и заваривать свежий чай. Суетливо, но споровисто, она принялась за завтрак. Мои попытки остановить сердобольную и пышную, как свежая буханка хлеба, кухарку, успехом не увенчались.

Запоздало сообразив, что ее суета, что моя методичность – попытка не потонуть в не отпускающих тяготах.

Владения Любы, огромная кухня метров в пятьдесят, всегда являли собой образец порядка и чистоты. Сегодня же они просто сияли. Похоже, Люба даже бессонницу проводила с пользой.

Но дикая смесь ароматов сирени и утраты витала и здесь. Я присела за массивный дубовый стол подле окна. За ним обедал и коротал свободное время персонал. Домочадцы и гости огромного особняка на кухню не навевывались. Разве что заблудившись.

За исключением хозяина, конечно. Давид частенько бывал здесь. А если Люба пекла печенье или что-то сладенькое, так и вовсе не уходил. Садился в уголок, откуда была видна река и отлично просматривалась кухня. Пил душистый чай с травами, что росли под окном, смешил кухарку. Играл в шахматы с водителем или в карты с садовником...

Задержав взгляд на пустующем стуле, я передернула плечами и поспешно уткнулась в чашку с чаем. Водитель Юра и садовник Геннадий мой жест заметили и понимающе поджали губы. Домработница Наташа заморгала часто-часто, дабы вновь не расплакаться. Одна лишь Люба была занята. Я позавидовала ей, но вмешиваться не решилась.

– Уверена, что сама поедешь, Лизонька? – спросил меня Юра.

Он работал на Давида дольше всех нас. Почти сорок лет. Годы посеребрили его короткие волосы, избороздили глубокими морщинами лицо. Но голубые глаза смотрели на мир все так же радостно и приветливо. В любой другой день, но не сегодня.

– Не переживай. Доберусь в целости и сохранности.

– Все же лучше поехала бы с нами. После похорон за руль садиться – идея никудышная.

– Я на поминки не поеду, – напомнила я. – А сюда возвращаться не хочу.

– И все же... – попыталась образумить меня Наташа.

Но я поднялась и, поблагодарив всех, сказала:

– Прогуляюсь, пока время есть.

И поспешила скрыться за дверью, ведущей из кухни в сад, пока вновь не пошел по кругу заунывный разговор.

Я неспешно шла по уложенной камнем тропинке. Легких туман с реки и утренняя прохлада сопровождали меня, бережно укутывали плечи невесомой дымкой. Я вглядывалась в великолепие сада и парка столь же пристально и жадно, как в свою первую прогулку здесь. С той разницей, что тогда я знакомилась с владениями Давида, а теперь прощалась с ними навсегда.

Я спустилась вниз по крутой тропе меж раскидистых крон деревьев к реке. Побоявшись испачкать платье, я не уселась на доски причала, как бывало ранее. Встав у самого края, вглядывалась в безмятежную гладь реки, густую зелень противоположного берега.

За моей спиной на небольшом холме возвышался особняк Давида. Здание, построенное в английском стиле, почти двадцать лет назад, было сплошь опутано виноградом и розами. Серый камень проступал лишь в непогожее время года, когда исчезали листья. Огромные окна в белоснежных рамах, казалось, пытались пропустить внутрь весь свет так часто хмурого петербургского неба. И дом, и сад будто бы тянулись к солнцу, к жизни и неустанно радовались им. Эдем – так Давид называл свои владения.

Но жизнь из особняка ушла. Ушла вместе с ним. Все случилось два дня назад. Непоправимо и безвозвратно. И пусть изменения еще не заметны глазу, но каждый, кто не сомкнул глаз этой ночью, точно знает – мир больше не будет прежним. Эдем оставлен навсегда.

Безжалостно разбивая тишину, затрещал мобильный. Вытащив его из сумочки, я взглянула на дисплей, но не ответила. Выключила звук. Неизбежная и малодушная отсрочка.

Упрямо оставаясь на месте, я проигнорировала еще три звонка. Но я больше не видела красоты вокруг, скверные мысли острыми иглами пронизывали разум.

Следующий звонок был от Наташи. Малодушничать я не стала.

– Лизонька, – судя по приглушенному шепоту, Наташа заперлась в кладовке, чтобы позвонить мне. – Возвращайся, скорее. Жены сейчас подерутся, вот тебе крест. То есть... вдовы.

Бросив телефон обратно в сумку, я с тоской посмотрела на возвышавшийся над берегом особняк. Мне ничего не стоило просто уйти. Ничто меня здесь больше не держало. Но тяжело вздохнув, я все же поплелась обратно.

Дорога вверх всегда занимала чуть больше времени. Сегодня же я и вовсе тянула его как могла. А воспоминания, словно пудовые булжники в карманах утопленника, тащили меня вниз, делая почти невозможным каждый шаг.

С тех пор, как я переступила порог Эдема прошло два года. Два года пролетели как два часа. А то и меньше.

Давид нанял меня в качестве... Черт, я понятия не имею, кем была для него!

Трудовой договор говорит «секретарь». Чуть выше прислуги. Девочка на побегушках у великого и прекрасного Давида Терновцова. Выдающегося режиссера, писателя, художника, предпринимателя... Гения признанного и озолоченного при жизни.

Душа твердит «друг». Поддержка для борющегося со смертельным недугом старика. Гордого и доброго. Властного и щедрого. Сильного и слабого. Бесконечно одинокого в толпе обожающих и почитающих.

Мы были с ним так похожи... Две щепки, потерявшиеся в водовороте жизни. И вот теперь я одна. Надеюсь, Давиду лучше там, где он сейчас. Мне же хоть вой.

Женские истерики и нескончаемые скандалы с первого дня стали нормой для Эдема. В раю может быть только одна Ева. Давид же упрямо отрицал столь простую истину, предпочитая не замечать последствий.

Судя по крикам, сегодня боевые действия развернулись в гостиной на первом этаже. Что ж, неплохой выбор. Отменная акустика.

О романах Давида ходили легенды. Не удивлюсь, если он и сам не смог бы вспомнить, сколько женщин угодило в список его любовных побед. Но лишь двое из них смогли довести его до алтаря.

Первой супругой Давида стала испанская актриса. Представительница семьи русских эмигрантов, свела его с ума своим акцентом и черными, как омут глазами. Бурный роман, поспешный брак. Рождение сына. Единственного ребенка Давида. И... оглушительное фиаско. Они расходились так же страстно, как и жили. И недолгий роман оставил обоим глубокие уродливые шрамы навечно.

Второй раз Давид решился на брак незадолго до смерти. Лика стала его последней музой. Белокурый ангелочек на тридцать с лишним лет моложе мужа с амбициями кинозвезды и мужской хваткой, сумела сделать то, что не смогли сотни его любовниц. Заветное колечко с огромным бриллиантом украсило ее тоненькую ручку. Из никому неизвестной Анжелики Черненко она превратилась в Лику Шайн (псевдоним, придуманный Давидом). Ей рукоплескали переполненные залы кинотеатров. В родном Отечестве не существовало домохозяйки, не знавшей ее. Но Лика грезила о Голливуде. И вполне могла бы и его завоевать. При жизни Давида, конечно.

Вернувшись в особняк тем же путем, я кивнула игравшим в карты мужчинам и допивавшим чай Наташе и Любе. Люба тяжело вздохнула и сказала скорбно:

– Постыдились бы. Даже в такой день горло рвут... Бедный Давид. Что за жизнь он себе выбрал?

– Такую, о которой мечтает каждый здоровый мужик, – хмыкнул Геннадий.

– Бесстыдники, – отмахнулась незлобно Люба. – Все мысли о бабах.

– О ком же, как не о вас нам думать, душенька?

Наташа запустила в садовника кухонным полотенцем. Тот поймал его на лету, сложил аккуратно и положил рядышком. Обычно подобные разговоры заканчивались либо беззлобной ссорой, о которой забывали через пять минут, либо всеобщим хохотом. Но сегодня даже привычная болтовня не смогла преодолеть тоску.

Очередная запредельно высокая нота заставила всех поморщиться. Пора было прекращать этот балаган. Я смиренно направилась в гостиную.

Просторный холл особняка был залит светом. Первые утренние лучи солнца проникали сквозь огромные окна, отражались на белоснежном мраморе с едва заметными серыми прожилками на полу. Они играли и переливались во множестве хрустальных подвесок невероятно красивой люстры, словно водопад ниспадающий с третьего этажа на первый, сквозь лестничный пролет. Решетка лестницы, сплетенная из черного металла, была единственным темным пятном во всем помещении. Но, странным образом, благодаря ей, все пространство огромного белого холла, казалось еще более воздушным и легким.

Гостиная и увлеченные скандалом женщины отлично просматривались из холла. Но заметив подъезжающую к дому машину, я скорректировала маршрут. Замерла в ожидании, пока Нина войдет в дом.

Сестра была младше Давида на одиннадцать лет. Но вряд ли возраст был виной тому, что они столь разные. Давид – человек искусства. Он жил идеями, признавал лишь сегодняшшний день и презирал все суетно-будничное. Нина – прожженный рационалист. Будучи одним из лучших адвокатов города, она верила исключительно фактам, документам и логике. Над мировоззрением брата с присущим юристам сарказмом посмеивалась. Но, как нередко бывает, две столь яркие противоположности притянулись друг к другу намертво, срослись корнями, став единым миром.

– Как ты? – подставляя щеку для поцелуя, спросила я.

Терпкий запах дорогого парфюма. Строгое черное платье-футляр. Неброский макияж и привычно нечитаемый взгляд. Сегодняшняя Нина мало отличалась от обычной. Воплощение сдержанности и благоразумия. Лишь тени под глазами намекали на бессонницу и усталость последних дней.

Она машинально поправила прическу. Короткие белоснежно-седые волосы, непослушно упали на лоб. Она терпеть не могла беспорядок. И никогда не пользовалась краской для волос, как и другими косметическими ухищрениями. Должно быть, в награду за это, природа позволила ей состариться красиво. Так иногда увядают великолепные розы. Высыхают и теряют краски, но сохраняют гордость и величие былой красоты.

Нина была скупа на чувства. Ласка и вовсе казалась ей чуждой. На мой вопрос она лишь неопределенно хмыкнула. Но желая поддержать меня, неумело сжала и тут же отпустила мое запястье.

– Дурехи, – фыркнула она и зашагала в гостиную.

Не успев вовремя сориентироваться, я поторопилась следом, чуть отстав. Переступив порог, Нина остановилась. Сложив руки на груди, она оглядела присутствующих. Но они были слишком увлечены собой, чтобы заметить наше появление.

Последствием бурной амурной жизни Давида стали бесконечные скандалы его муз. Любившие Терновцова женщины ненавидели своих соперниц яростно и всеми силами пытались изжить противниц. Притом, самого Давида они ни в чем не обвиняли, заочно позволяя ему то, что ни одному другому мужчине не позволено.

Как правило, если дама сердца покидала его дом, он продолжал с ней общаться, сохраняя дружеские отношения. Поддерживал ее в жизненных перипетиях и карьерных чаяньях. Всегда поздравлял со всеми праздниками, частенько дарил пухлые конверты с деньгами. Со временем отправленная в архив муза начинала жить своей жизнью и борьба за место под солнцем (или одеялом...) переставала быть для нее актуальной.

Но имелись и те, кто войне за внимание Давида посвятили всю свою жизнь. Войдя в права законной супруги, Лика вознамерилась избавиться от докучливых дамочек. Надо признать, ей много удалось. Но две особо стойких все же остались.

Именно с ними законная вдова великого Терновцова в данный момент и скандалила.

Ольга Никифорова была старше Давида на несколько лет и давно разменяла шестой десяток. Однако многочисленные пластические операции, инъекции, чудодейственные маски и эликсиры вкупе с первоклассным макияжем, превратили ее в даму трудноугадываемого возраста. Благодаря активным тренировкам и нескончаемым диетам со спины она выглядела аки юная девица. В анфас тянула лет на сорок (при плохом освещении и настроении на сорок пять). Но ее лицо, ставшее похожим на фарфоровую маску, все же прозрачно намекало, что дама не столь свежа.

Временами я находила ее похожей на фарфоровую китаяночку. Бледное личико, обрамленное иссини-черными волосами, миндалевидные глазки и тонкие ярко-красные губки делали сходство необратимым.

Говорят, в молодости Ольга была непомерно энергичной. Поверить в это мне было трудно, ибо и в текущем возрасте энергия была через край (страшно представить, что было раньше). С Давидом она встречалась сразу после его расставания с первой супругой. Пригрела страдальца под своим крылом и более уже не отпускала.

Злые языки утверждали, что столь длительная привязанность объясняется нежными чувствами не к Терновцову, а к его деньгам. Повод для подобных разговоров имелся. Ведь многие годы Ольга возглавляла принадлежащую ему киностудию, в которой ныне занимала почетную должность президента. В силу возраста (или иных тщательно скрываемых причин) Давид отлучил ее от реальной власти, но оставил представительские функции, сохранив за ней всеобщее почитание и уважение, столь необходимое тщеславному человеку.

Однажды, многие годы спустя после разрыва с Ольгой, Давид нашел утешение на пышной груди Стеллы Берг. Стелла была худа, как зубочистка и забавно курноса. Однако, при мальчишеской фигуре и высоком росте, она обладала потрясающим бюстом пятого размера. Берг говорила низким чуть хриплым от бесконечных сигарет голосом, густо подводила глаза и смотрела на собеседника так, будто знала всю его подноготную.

Стелла всерьез верила, что вселенная наградила ее особым даром. Точнее, множеством даров один другого чуднее. И прорицание было лишь одним из них.

Нарядившись в расшитый бисером и диковинными орнаментами балахон, повязав чалму, увешавшись амулетами, она часами могла созерцать хрустальный (то есть стеклянный) шар, раскладывать пасьянс или гадать всеми известными и неизвестными способами.

Но удивляло не это. А то, что верующих в ее способности имелось предостаточно. Стелла входила в тройку самых востребованных медиумов города (если не страны). Запись на ее сеансы была забита под завязку на полтора года вперед. Богема ее боготворила. Злые языки же видели за ее успехом руку Давида, успешно пиарившего брошенную любовницу среди своих богатых и знаменитых друзей.

– Да как ты смеешь?! – взвизгнула Лена. И от звука ее голоса я невольно поморщилась. Лена – старшая сестра Лики (они были погодками). Столь же миловидная, как и вдова Давида, но без бульдожьей хватки оной. Зато за свою сестру в любую свору влезет. Даже завидно, ведь я в семье одна. А о старшем брате всегда мечтала. Мне грезилось, что он будет защищать меня от всех напастей.

– Тебя спросить забыли! – взвилась Ольга. – Ты-то здесь кто, а? Давид держал тебя из жалости. Женушку свою, вертихвостку, огорчать не хотел. А так, даже и не посмотрел бы в твою сторону! А ты и присосалась как пиявка!

– Это я пиявка? – ахнула Ленка и налилась краской. Стелла хмыкнула и уточнила томно: – А кто?

Елена пошла пятнами. Но Стелле возразить не решилась. Ибо однажды та пообещала наложить на нее порчу и была достаточно убедительна в своих угрозах. Во всяком случае, Лена свято верит в это и по сей день на рожон не лезет.

Но Ольгу высшие силы не берегли. Посему ей грозило услышать за всех разом. Набрав воздуха в легкие, Лика...

Не обронила ни слова. Тихо и пугающе спокойно, Нина сказала:

– Доброе утро, дамы. Все готовы?

Как по команде все разом обернулись в нашу сторону. На лицах появилось одинаково растерянное выражение лица. Кажется, только посмотрев на Нину, они наконец осознали, что за день сегодня.

Лика поспешно отвернулась, но я успела заметить прозрачные бусинки слез на ее глазах. Остальные беспомощно переглядывались, ища поддержки у недавних врагов.

Из четырех скандалящих в гостиной женщин, трое были одеты в черное. Стелла же облачилась в белоснежный балахон, расшитый золотой вышивкой, и чалму в тон наряду. На ее шее позвякивало тяжелое ожерелье, на массивной цепочке которого висели символы едва ли не всех известных миру религий: от полумесяца до иудейской звезды.

Поймав взгляд Нины, Стелла вскинула подбородок, готовясь к очередной схватке. Но не дождалась даже комментариев в свой адрес.

– Я с этой белобрысой курицей в одной машине не поеду, – подала голос Ольга. Лика тут же вспыхнула.

– Это я с тобой не поеду! Клеенка перекроенная!

– Поехали со мной, – предложила я. Охнув от возмущения, Лика поморщилась:

– Вот еще! Она на новеньком «Мерседесе», а я на «Форде»!

Надо сказать, что проблем со средствами передвижения не имелось вовсе. Предлог для скандала был надуман и раздут до неприличия. Но подобное было абсолютной нормой для жен (то есть вдов). При Давиде они вели себя аки агнцы (почти всегда), но стоило ему выйти за порог, начиналось невероятное. Теперь и вовсе не кому было их сдерживать.

– Если Лиза поедет на своей рабочей машине, тебя устроит? – спросила Лена сестру.

Нина сказала строго:

– Лиза поедет так, как ей удобно. Как мы все помним, она больше не является сотрудником Давида. Достаточно и того, что она взяла на себя все хлопоты по... организации, – избежав

тяжелого слова, Нина сжала руку в кулак. Но тут же вернула себе самообладание. – Если кого-то что-то не устраивает – общественный транспорт к вашим услугам.

Спорить никто не решился. Повисла тяжелая тишина. Нина развернулась на каблуках и, кивнув мне, велела:

– Пойдем.

Я поторопилась следом. Перед уходом мне следовало передать ей свои дела. На это и был потрачен следующий час. И все это время, перебирая бумаги, я невольно вспоминала свои первые дни в особняке.

Сказать, что жены приняли меня в штыки – не сказать ничего. Если верить Давиду, я была красавицей. По мне так брюнеток с длинными волосами и темно-кариими глазами в наших широтах пруд пруди. Но верить мужчине, знающем толк в женской красоте, всегда приятно. А судя по реакции женской половины дома, толика правды в его словах имелась.

Впрочем, в те дни мне не было никакого дела до чужого мнения в принципе, а до суждений избалованных дамочек и вовсе. Вопросы собственной внешности занимали и того меньше. Моим единственным желанием было уснуть и никогда больше не проснуться. Но подобные желания до добра не доводят и чести желающим не делают. И я старалась выкарабкаться как могла.

Переезд в дом Давида – ничто иное как попытка ухватиться за соломинку и не потонуть. Но, на удивление, именно привнесенные Давидом перемены и спасли меня. А заодно и перевернули жизнь вверх тормашками. Причем дважды. Но об этом мне еще только предстояло узнать.

– Нина, – позвала я. Она подняла глаза от документов и посмотрела поверх очков.

Я смутилась, не зная, что сказать. И, как всегда, пошла напрямик:

– Спасибо вам. За поддержку. За все. А за то, что не отдали женам на съеденье особенно.

Легкая улыбка едва коснулась ее губ. Но тут же исчезла. Взгляд умных глаз стал пристальным, но теплым.

– Если кому и благодарить, так это мне. За брата... Запомни. Ты всегда можешь рассчитывать на меня. В любое время, по любому поводу. Хорошо?

Я кивнула и сосредоточилась на работе. Время оставалось всего ничего.

Траурная процессия, смешавшая толпы поклонников и почитателей творчества Давида, бывших любовниц и невесть от куда взявшихся друзей, журналистов, злопыхателей, сотрудников его компаний и сторонних наблюдателей, скрылась в пыли дорог уже больше двух часов назад.

Узкий круг приближенных и доверенных отправился на поминки в один из лучших пригородных ресторанов города. Даже после смерти Давид желал быть хлебосольным. Продумав до деталей сценарий собственных похорон, он не обошел стороной и поминки. Меню, музыкальная подборка, речь от усопшего к его родным и близким – все создано им собственноручно. И отдавая последнюю честь своей свите, он запретил им лишь одно – горевать.

Сказать по чести, на торжество по случаю его смерти я не пошла бы ни под каким предлогом. Пусть и нарушив волю ушедшего. Он злился на меня не раз и не два. Как и я возмущалась по поводу его чудачеств. Были бы квиты и в этот раз.

Но меня он попросил об ином. И эту его просьбу я собиралась исполнить во что бы то ни стало.

Собственно, никакой уверенности в том, что сегодня все сложится удачно у меня не было. Одна лишь детская надежда. Упрямство, конечно, тоже. Куда без него?

Стрелки часов на моем запястье отмерили второй час моего одинокого сидения на кладбищенской аллее. Если бы не могилы кругом и не фотография улыбающегося Давида в траурной рамке, это место вполне можно было бы назвать приятным. Зеленые пушистые кроны

деревьев, шелестя листьями, прятали меня от солнца. Шум города, взявшего в оковы кладбищенскую территорию, не долетал сюда. Зато тихий ветер с Невы, нес приятную прохладу.

Первые двенадцать лет своей жизни Давид провел на Васильевском острове. Он любил вспоминать то время. Свою шайку друзей, извечно бродивших по дворам старого города, гонявших на велосипедах по улицам Васьки (чья нумерация вечно путает даже коренных петербуржцев), купание в Неве, несмотря на строжайший запрет родителей и рыбалку на набережной, дабы порадовать толстого дворового кота.

Не удивлюсь даже, если первый свой университет он выбрал из привязанности к детским тропам. Став студентом философского факультета, он вновь вернулся к родным пенатам. Пять лет он ходил излюбленными тропами от комнаты, что снимал в коммуналке, до факультета. И эти годы, полные университетских восторгов и трудностей, упоительных любовных переживаний и хмельных попок, стали целой главой его удивительной книги жизни. Попадая в плен отчаянья, он часто возвращался к ним, черпал силы из воспоминаний.

И похороненным он пожелал быть все там же. На своем любимом острове. Среди дореволюционных надгробий, в тиши вековых деревьев.

Ожидание более не имело смысла. Поправив на плече сбившийся ремень сумки, я направилась к выходу. Намеренно замедляя каждый свой шаг, я все еще на что-то надеялась.

А выйдя за кладбищенскую ограду, оказалось – не зря. Заприметив подъезжающее такси, я остановилась в ожидании. Опять же, чистое упрямство. Однако и от него бывает толк.

Мое воображение рисовало великое множество сценариев этой встречи. Но стоило мне увидеть женщину, вышедшую из такси, как сотни вариантов диалогов и заготовленных речей, разошлись по ветру.

Она не надела траур. Нарядное платье с пышной юбкой цвета пыльной розы, украшения с розовым топазом на несколько оттенков темнее ткани. Невесомый шелковый шарф на голове прячет иссиня-черные волосы, собранные в аккуратные пучок.

Она не носила траур. Он был в ее душе. В пронзительном взгляде ее бездонных темных глаз. Страшная рана. Невыносимая боль. Она справится. Когда-нибудь. Как могут только хрупкие женщины со стальным характером.

В горле пересохло. Сердце забилося так сильно, что стало больно в груди. Я позабыла разом все слова.

Она подошла ко мне сама. Мы никогда не виделись. Пожалуй, ей даже не следовало знать о моем существовании. Но она знала. И интуиция ее была моей не хуже.

Мягким мелодичным голосом, она спросила, вглядываясь в мое лицо:

– Вы Лиза?

Ее взгляд скользил по мне наподобие легкого утреннего ветерка. Пожалуй, за всю мою жизнь это был единственный раз, когда я не возражала против чужого внимания. Напротив, мне вдруг захотелось зареветь и поведать ей обо всем, что никогда и никому не доверяла.

Она взяла меня под руку и попросила:

– Проводите меня, пожалуйста.

Мы поплелись по аллее еще более медленно, чем я до встречи с ней. Она оттягивала неизбежное. Будто бы увидеть могилу Давида значило окончательно признать невосполнимую потерю.

– Вы были с ним, когда...

– Нет. К сожалению, нет. Он отослал меня в тот вечер. Я нашла его, когда уже все случилось.

– Как вы думаете, ему было больно?

– Иногда смерть – великий дар.

– Не для тех, кто остался.

– Мы все однажды покинем этот берег. Давид боролся до последнего.

– Конечно. В этом весь Давид.

Она удрученно замолчала и отвернулась. Ее пальцы с силой сжали мою руку, но она не заметила этого. Я не сопротивлялась. Иногда злость дает нам сил. Помогает продержаться до лучших времен.

– Я рада, что он был не один в своей борьбе. Я не имею ввиду эти вечные толпы воздыхательниц и тот гарем, что он развел. Все это пустое, он знал это лучше всех... Мне очень хочется верить, что у него был верный *соратник*. Хотя мне и трудно поверить, что он не коснулся вас.

За два года в обществе жен я разучилась оправдываться. Равнодушно пожала плечами и оставила право выбора за ней. Каждый сам решает, чему верить, чему нет.

– Простите меня, Лиза, если обидела. Вы невероятно красивы. При этом в вас нет той вульгарной и заезженной глянцевого, что присуща нынешним временам. Зато кроется в вашем наивном взгляде что-то...запретное, тайное. Потому так и сложно представить, что Давид, со страстью присущей истинному коллекционеру, смог бы упустить такую диковинку.

Я вновь пожала плечами. Могила Давида была видна издали. Невероятное количество букетов и огромных венков было свалено в холм внушительных размеров. Пестроцветие цветов и лент резало глаз. Безошибочно указывало место его упокоения.

Она остановилась. Отпустила меня. Бледность разлилась по ее лицу, но мягкий голос не дрогнул.

– Дальше я сама. Спасибо.

– Постойте, -попросила я и достала из сумки небольшой сверток. – Давид просил передать вам. Когда его...не станет.

– Самонадеянно, – усмехнулась она, не решаясь взять небольшой сверток из плотной бумаги, перевязанный на манер старых писем тонкой бечевкой и запечатанный сургучом с его инициалами. – Я до последнего не была уверена, что приеду.

– Как и он. Потому у меня был ваш адрес. И его последняя воля.

Она кивнула и забрала сверток. Бережно держа его обеими руками, прижала к груди. Я поспешила прочь, зная, что мне здесь более нет места.

Два года назад я развернула свою жизнь на сто восемьдесят градусов. Причем без всякого на то желания. Мне выпала скверная карта, и с этим можно было либо смириться, либо начать свою игру. Смириться не хотелось.

Я разорвала помолвку, уволилась с работы, обнулила весь список контактов. Я без всякой жалости и сожаления крушила то, что строила всю свою жизнь. Я резала по живому и не боялась ни крови, ни боли. Ни своей, ни чужой. Сжигая мосты, я прекрасно понимала последствия, но не страшилась их пламени.

Тогда-то Судьба и решила свести меня с Давидом. Я желала перемен. Давид дал мне их. Я бежала от себя и агонии, в которой в предсмертных конвульсиях корчился мой мир. Давид дал мне корабль, научил управлять им. Дал время подумать о том, куда плыть.

Взамен? Он просил моей верности. И молчания.

Теперь настала пора возвращаться. Не в прошлое, нет. С ним давно было покончено. Оно не вызывало ни страха, ни ностальгии. Все, что было дорого, хранилось в уме и сердце. Остальное превратилось в пепел и развеялось на ветру.

В мамину квартиру, пустовавшую все это время, вернулась уже другая Лиза. И мне она нравилась куда больше той девчонки, что жила здесь когда-то.

В стенах сталинки с видом на набережную прожило два поколения моей семьи. Теперь из всей семьи осталась я одна. И это обстоятельство стало одним из множества, что больше не страшило меня.

Весь последующий после похорон Давида день я драила квартиру. Собственно, в особенной уборке она не нуждалась – я приезжала сюда раз в несколько недель и наводила порядок.

Но появился присущий всем нежилым помещениям запах упадка. И с ним я боролась с остервенением.

К тому же, физическая нагрузка помогала разгрузить мозги и утихомирить эмоции. Ближайшее будущее меня пугало не слишком. За время работы на Давида, я скопила вполне приличные деньги (для меня, вдовы бы потратили их за пару часов, а то и меньше).

Я получала зарплату, щедрые бонусы и подарки. Но практически ничего не тратила, живя в особняке. Добавился и небольшой процент от вклада в банке. Так что, мое финансовое положение было вполне устойчиво и благополучно.

Мне предстояло начать новую жизнь. Опять. Только в этот раз со спокойной головой. Поскольку о том что дальше я думала частенько и к советам Давида прислушивалась внимательно, все свои варианты я знала отлично. Нужно было лишь выбрать один из них. Будущее опасений не вызывало. Напротив, манило наподобие давно желанного путешествия.

Однако все мои планы приказали долго жить после единственного телефонного звонка.

Признаться, я намеревалась его проигнорировать. Лично мне никто звонить не собирався, а все, что было связано с работой на Давида, ушло вместе с ним. Однако звонивший и святого достать был способен.

Чертыхаясь, я спрыгнула с подоконника, ибо в данный момент домывала окно на кухне, и ответила, стараясь не рычать:

– Да!

– Елизавета Петровна?

Сочетание моего имени и отчества неустанно потешало Давида. Обычно, произнося их вместе, он обязательно упоминал монаршие регалии, царские титулы, императорские вольности и прочие витиеватые мотивчики. По началу я смущалась, потом обижалась, а со временем привыкала и стала воспринимать как должное. Но сейчас ничего более не последовало. Только имя и только отчество. Сердце сжалось.

– Я.

– Меня зовут Аркадий, я помощник Владислава Викторовича Лисовского.

Лисовский был адвокатом Давида. Точнее, одним из гвардии адвокатов, работавших на него и его бизнес. Но, что куда важнее, он был его другом с тех времен, когда Давид еще не был признанным гением с баснословными суммами на банковских счетах.

– Очень приятно. Чем могу помочь?

– Завтра состоится оглашение завещания...

– Сразу скажу, – опережая события, влезла я. – Все документы Давида переданы его сестре. У меня не сохранилось ни копий, ни, тем более оригиналов.

– Я звоню по другому вопросу.

– Какому же?

– Давид Александрович упоминал вас в своей последней воле. Поэтому вам необходимо присутствовать на оглашении. Завтра в двенадцать в нашем офисе...

– Думаю, это ошибка, – я не сдержала удивления и вновь перебила звонившего. – Я не являюсь членом семьи или...х-м-м...

Найти подходящее слово и не использовать легкомысленное и обзывающее «любовница» оказалось не так просто. К счастью, Аркадий пояснил деликатно:

– Давид Александрович упомянул в завещании всех наемных работников, проживавших в особняке. И вас в том числе.

Наемные работники. Читай прислуга. Что ж, зато понятно, как меня занесло в перечень посмертных распоряжений Терновцова.

Под диктовку Аркадия я записала адрес и обещала быть. Но, признаться, собиралась сослаться на какую-нибудь вескую причину и прогулять сие мероприятие.

Однако на следующее утро за час до оглашения мне позвонила Нина и напомнила о встрече. Теперь соскочить было невозможно.

Чертыхаясь, я бросилась собираться. Сегодня с самого утра собирался дождь и заметно похолодало, что определило мой выбор. Быстренько натянув джинсы и футболку с веселеньким цветочком, я затянула волосы в хвост, влезла в кроссовки и, на ходу застегивая куртку, помчалась к машине.

В офис адвоката я прибыла за десять минут до назначенного времени. Вздохнув с облегчением, вошла в приемную. Аркадий нервно чертил шагами комнату. Секретарь монотонно барабанила пальчиками по клавиатуре, не обращая на него внимания. Оказалось, я приехала последней, и все ждут только меня.

Я расстроилась. А потом удивилась. Сродни такого не бывало, чтобы жены, то есть вдовы, куда-то являлись вовремя, а не то что заранее.

Аркадий уверенным шагом зашел куда-то по коридору. Я послушно затрусилась следом. Пройдя этаж насквозь, мы оказались перед дверью в просторный конференц-зал, основную часть которого занимал большой овальный стол. Во главе стола чинно восседал Лисовский.

С Давидом они были ровесниками. Но на его фоне Лисовский выглядел выдавшим виды чемоданом. Он исправно посещал спортзал, старался ограничивать аппетит и вести умеренный образ жизни. Но бесконечно нервничал на своей работе. А за ее пределами не имел занятия или человека, которые бы наполняли его сердце радостью и силой.

Однако, справедливости ради стоит сказать, что присущий ему аромат власти нравился многим. И, судя по выражению лиц части присутствующих дам, даже очень.

Аркадий открыл дверь в конференц-зал и любезно пропустил меня первой. Все взгляды тут же сосредоточились на мне. И среди разодетых в наряды от кутюр женщин, мои джинсы и футболка с дурацким цветочком казались невероятно нелепыми. Но обескураживало не это. А их взгляды. Я почувствовала себя голой и совершенно незащищенной. На кой черт я приехала сюда?!

– Присаживайся, – кивнув на пустующий стул рядом с собой, велела Нина.

Я послушно плюхнулась рядом, спрятав руки под столешницу. Еще не хватало, чтобы вдовы заметили мое волнение. Им только дай почувствовать кровь...

Совладав с собой, я быстро огляделась. Помимо вдов и сестры Давида, приехали Геннадий и Юра, Наташа и Люба. Поймав мой взгляд, мне едва заметно улыбнулась Юлька. Она возглавляла PR-службу Давида и, по сути, была его правой рукой.

Рядом с Ольгой сидел с самодовольным видом ее полудурочный сынок Руслан. В простонародье Русик. Редкой наглости и глупости человек. Годиков ему было аж тридцать восемь, но за мамину юбку он держался столь же крепко, как и в три. И при этом бесконечно вляпывался в какие-нибудь идиотские авантюры, твердо убежденный, что мама все разрулит. Но, что хуже всего, он был невероятно щедр и изобретателен на пакости ближним, и это делало его опасным. Женщины его не любили. Точнее, терпели те, кто деньги ценил больше него самого. И он ненавидел их в целом, а меня в особенности, ибо однажды получил коленом по самому дороговому.

По правую руку от адвоката устроился Глеб, единственный сын Давида. Пожалуй, он и завещание сконцентрировал на себе весь интерес присутствующих. Не считая недавнего юбилея Давида, Ольга и Стелла не видели его многие годы, Лика и Лена не встречали никогда. Мне также знать его не надлежало, но познакомиться пришлось. Впрочем, присутствующим знать об этом излишне.

Глеб стал сосредоточением всеобщего внимания не только из-за попыток присутствующих предугадать, что оставил Давид своему единственному ребенку, и не столько из-за слухов об их сложных отношениях. Терновцов-младший был примечателен сам по себе.

После развода родителей он был отдан на попечение бабушек и дедушек и жил на две страны, практически не видя ни мать, ни отца. А достигнув школьного возраста был передан на воспитание учителям элитной частной школы в Англии. С самого детства он был предоставлен себе и мог рассчитывать только на себя.

Получив блестящее образование, он отправился в свободное плавание, отказавшись от всякой денежной поддержки семьи. И к тридцати годам, без всякого участия со стороны состоятельных и влиятельных родителей, он стал долларовым миллионером. Индустрия высоких технологий почитала его и поклонялась ему столь же самоотверженно и рьяно, как и сфера искусства его родителям.

Глеб же относился к успеху и деньгам равнодушно. Вел достаточно замкнутый образ жизни, не искал роскоши и знакомств. Вокруг его имени ходило множество слухов, но они были столь невероятны, что больше походили на выдумку.

Он перенял стать своего отца, но был чуть уже в плечах. Простая белая рубашка из тонкого хлопка навыпуск намекала на отличную фигуру, а руки с четко очерченными мышцами на недюжинную силу. Его темные волосы вились также упрямо, как и у его матери и то и дело падали на глаза. Легким привычным жестом он отбрасывал их назад и все повторялось вновь. Его смуглая кожа стала еще темнее от солнца дальних стран. Ярких губ почти не касалась улыбка. Он был серьезен и собран с ранних лет. По-девичьи пушистые ресницы скрывали темно-карие гипнотические глаза. И не многие решались смотреть в них, все больше избегая взгляда.

– Итак, – чинно произнес Лисовский и выразительно посмотрел на меня. – Наконец, все мы собрались...

Вредности ради, я показательного подняла руку и, элегантно изогнув запястье, посмотрела на часы. До назначенного времени оставалось еще три минуты. Юлька широко улыбнулась. Глеб и Нина усмехнулись одинаковой усмешкой.

– Как вы знаете, – хмыкнув, продолжил Лисовский. – Наш дорогой Давид доверил мне озвучить его последнюю волю. По распоряжению покойного, завещание должно быть озвучено строго при всех упомянутых в оном.

– То есть, если бы мы не пришли, вы остальным ничего бы не сказали? – влезла Лена. Ольга презрительно фыркнула:

– Твое отсутствие точно никого бы не огорчило. Я вот даже не уверена, верил ли Давид в необходимость твоего существования или считал жадной до дармовщины мухой.

– Это я муха?!

И понеслось. От поднявшегося визга стал методично подпрыгивать стакан с водой на столе адвоката. Мне же стало понятно его плохое настроение. Вдовы явились задолго до назначенного часа и успели изрядно поскандалить, убив тем самым множество нервных клеток господина Лисовского.

Очередной визг одной из вдов заставил содрогнуться всех вокруг. Я же порадовалась, что сижу у самой двери. Смоюсь раньше, чем разразится буря.

Но тут Нина треснула ладонью по столу с такой силой, которую попросту невозможно было заподозрить в столь хрупкой женщине. И тихим голосом, полным абсолютного спокойствия, приказала:

– Молчать.

Дважды повторять не пришлось. Все присутствующие втянули голову в плечи и притихли. Кажется, даже Лисовский позабыл, что к нему это не относится. Оттого, должно быть, заговорил не сразу, а только по кивку Нины.

Обращаясь к Аркадию, он велел:

– Пригласи.

Аркадий выскользнул за дверь и вернулся сразу же. Но не один, а с невысоким молодым человеком в дешевом поношенном костюме. Последний по указке Аркадия направился к Лисовскому, но сбился на полпути и устался на Лику, будто умирающий от жажды на источник воды. Оно и не мудрено. Весь город был увешан постерами с ее дивным личиком. Она рекламировала все: от медицинских услуг до элитного парфюма. И это не считая того, что в каждом кинотеатре, по каждому каналу рекламировали фильм с ее участием, премьера которого должна состояться в сентябре.

Владислав Викторович поднялся из-за стола и подошел к нему. Но очарованный Ликой мужчина попросту его не заметил. Лисовский сказал громко:

– Добрый день.

Мужчина перевел на него затуманенный взгляд. Адвокат протянул руку к конверту, что тот сжимал в руке. Тот тут же отскочил в сторону. Чары развеялись.

– Попрошу предъявить паспорт.

Лисовский спорить не стал. Кивнул и, доставая документ из портфеля, пояснил:

– Текст завещания Давида хранился в нотариальной конторе до момента его оглашения. Сейчас он доставлен сюда для того, чтобы я мог озвучить его вам. Однако сотрудники нотариуса могут передать его только по получении двух подписей, – продемонстрировав паспорт, Лисовский размашисто расписался в документе. И посмотрел на меня тяжелым взглядом. – Моей и Елизаветы Петровны.

От неожиданности я так растерялась, что повертела головой в тайной надежде, что есть еще одна Елизавета Петровна и именно ей надлежит расписывать в непонятном документе. Но никого похоже не имелось. Зато все взгляды разом оказались прикованы ко мне. Желание сбежать возросло во сто крат.

Будто со стороны я услышала просьбу курьера предъявить паспорт. Послушно достала его из сумочки и расписалась в указанной им графе, даже не видя перед собой текста. Буквы разбегались перед глазами от волнения.

Аркадий выпроводил курьера, который успел оглянуться на Лику не менее восьми раз и едва не врезался лбом в дверь перед тем, как убраться со сцены.

Лисовский же вернулся обратно за свое кресло. Достал нож для бумаг и одним легким движением вскрыл его.

– Влад, мне кажется, – подала голос Ольга. – Или ты, как и все мы, впервые видишь эти бумаги и понятия не имеешь, что насочинял Давид?

Лисовский бросил на нее быстрый взгляд. И, сохраняя присущую невозмутимость, сказал:

– Все верно. И тебе не кажется. Ранее я не был знаком с завещанием.

Вытащив бумаги, адвокат неспешно надел очки и добавил:

– Вот и познакомимся вместе.

Было бы неправильным сказать, что озвученное Лисовским произвело неизгладимое впечатление на собравшихся. Скорее, никто ничего не понял. Растерянность явственно читалась на лицах вдов. И едва ли не впервые за все время знакомства, они искали друг в друге если не поддержку, то хотя бы участие. Однако смутная надежда на то, что хотя бы одна из дам понимает, что происходит, таяла на глазах.

Первой в себя пришла Ольга. И со свойственной высокому руководителю интонацией спросила Лисовского:

– Ты ведь не пытаешься сказать нам, что наш дорогой Давид позаботился о своей прилуге, но даже думать не думал о будущем женщин, что разделили с ним жизнь?

– Оля, – подняв документ, сказал адвокат. – Все согласно официальному документу. Ни больше, ни меньше.

– То есть, – тихо сатанела Ольга. – Его водитель, уборщица и садовник получают по квартире, кухарка обеспечит будущее своих внуков. Сколько их там, кстати?

– Трое, – проверив документ, сказал Лисовский. – Три, пять и семь лет. Каждому будет выплачиваться ежемесячное пособие до совершеннолетия из фондов киностудии. После, также за счет киностудии, им будет оплачено обучение в любом ВУЗе страны и стипендия на весь срок обучения плюс год сверху.

– Щедро, – скривилась Ольга, будто съев целый лимон разом.

Я едва сдерживалась, чтобы не разулыбаться от уха до уха. Бедная Люба боялась даже шелохнуться, дабы не спугнуть неожиданную удачу. По ее пухлым щекам катились слезы. И мне хотелось расцеловать ее и убедить, что теперь волноваться не о чем, Давид позаботился о ее семье на годы вперед.

Осенью прошлого года семью Любы постигло ужасное несчастье. Ее единственная дочь потеряла мужа, погибшего в автокатастрофе. Молодая женщина, рядовая сотрудница небольшой компании осталась одна с тремя детьми на руках. Никаких родственников, кроме Любы у нее не было. Женщины тянули деток как могли, рассчитывая только на свои силы и скромные доходы.

Теперь же, благодаря Давиду, будущее малышей, их мамы и бабушки не казалось столь печальным. Напротив, сумма выплат, назначенная Давидом, была эквивалента зарплате высокопоставленного управленца киностудии. Она с лихвой покроет все текущие расходы и при умелом управлении вполне позволит скопить на более просторное жилье, где у каждого малыша будет своя собственная комната. Образование же откроет им дальнейшие перспективы, поможет встать на ноги самостоятельно. Так что слезы радости на глазах Любы были вполне объяснимы.

Что касается меня, если раньше я удивлялась, что оказалась в списке распоряжений Терновцова, то теперь и вовсе не могла понять его причуду. Зачем мне яхта? Нет, серьезно, для чего? Я и с катамараном справиться едва могу, в прошлый отпуск чуть не свалилась в море. А уж под парусом ходить... Или там нет паруса?

– Но что же мы? – тем временем не унималась Ольга. – Я не услышала распоряжений на наш счет! Что станет с недвижимостью, банковскими счетами, коллекциями Давида? В конце концов, что будет с киностудией?!

– Не стоит так волноваться, – презрительно усмехнулась Елена. – Все вышеперечисленное, разумеется, унаследует его законная супруга.

Лица Ольги и Стеллы перекосило. По лицу Русика потекли жирные капли пота. Лица улынулись широко и радостно, наслаждаясь моментом триумфа.

Нина казалась равнодушной. Она прислушивалась ко всему, что было сказано и подмечала все, что происходило. Но невозможно было понять, о чем именно она думает. Ее реакция была абсолютно нечитаема.

Глеб был столь же спокоен, как и его тетка. В отличие от вдов, наследство отца не предопределяло его будущее. Он давно жил так, как считал нужным без чужих денег и советов.

Не удивлюсь, если он не покинул город сразу после похорон, только по настоянию Нины. Какой бы всемогущей она не казалась, он не мог не понимать, что, потеряв Давида, она потеряла всю семью. Поддержать ее он был обязан. Но, будучи сыном своего отца, особым терпением он похвастаться не мог. И, похоже, был готов уйти прямо сейчас, оставив вдов разбираться между собой.

– Это не так, – равнодушно сказал адвокат, но Лена не заметила угрозу и продолжала улыбаться. Лица же заметно побледнели. – Как вы помните, свадебная церемония Лики и Давида состоялась на одном из островов Тихого океана. Сказочное место, насколько я могу судить по фотографиям в журналах.

– Мы все их видели, – буркнула Стелла. – пляж, рассвет, волны и прочие мимишные сюжеты. Глянцевые журналы отвалили кучу денег, чтобы опубликовать эту муть на своих обложках.

Лица оставила выпад медиума без внимания. Она смотрела на Лисовского не моргая, будто пыталась пролезть в его черепушку и прочесть таящиеся в ней мысли раньше всех. При этом она так сильно сжала руки, что костяшки пальцев стали белее мела. Перемены в сестре разглядела и Лена. Она переводила тревожный взгляд с адвоката на сестру и обратно.

– Очень красивая церемония, – похвалил Владислав Викторович. И Дамоклов меч пал на тонкую шею Лики. – Но, к сожалению, брак заключенный на том славном острове не имеет силы в Российской Федерации. В случае, если наследство будет оспариваться в суде, документ, написанный на папирусе местным жрецом, не будет принят даже к рассмотрению.

Стелла ахнула и, откинувшись на спинку стула, восторженно посмотрела на Лисовского. Пожалуй, она никогда не слышала более приятных новостей. Ольга захохотала и громко зааплодировала. Русик премемерно лыбился, наслаждаясь падением Лики и растерянностью Елены.

Меня передернуло. Пожалуй, хватит. Пора прощаться. Подхватив сумочку, я поднялась. Но Нина резко схватила меня за запястье и попросила:

– Не уходи.

Будь на ее месте кто-нибудь другой, я вырвала бы руку и послала бы присутствующих по известному русскому адресу. Но поступить так с Ниной было невозможно. Беспомощно оглянувшись, я поймала на себе взгляд Глеба. Он следил за нами пристально, от гнева на все происходящее его взгляд стал еще темнее. Мне стало совестно. Если он сносит этот бред и не уходит, то мне уж бежать тем более не

гоже.

Я села обратно в свое кресло. Едва заметно пожав мою руку, Нина вновь превратилась в мраморное изваяние.

Вдовы же несколько отвлеклись на меня, дав Лице возможность прийти в себя. Она несомненно знала о нюансах своего брака и, называя себя «законной женой», все эти годы лукавила. Причем, лгала она всем, включая родную сестру. Давид же всю жизнь прожил окруженный различными мифами и небылицами о нем самом и его творчестве и, как и всегда, не пытался их развенчать. Дымка развеялась уже после его смерти, напорившись на сухой реализм юридических документов.

– Ты упомянул банковскую ячейку, – напомнила Лисовскому Нина. – Возможно, ее содержимое прояснит ситуацию?

Адвокат с ответом замешкался. Стелла хмыкнула ехидно:

– Что, Давид тебя и в это не посвятил?

– Странно, что тебя во что-то нужно посвящать, дорогуша, – не сдержалась Ольга. – В твоём хрустальном шаре и так все должно быть видно.

– Вы правы, – чуть повысив голос и, вновь приобретя привычные интонации, сказал адвокат. – Содержимое ячейки, как и завещания, мне не было известно заранее. Давид всю жизнь провел за кулисами и на съемочной площадке. Его склонность к эффектным поворотам оказалась и сейчас. Нам остается лишь следовать созданной им интриге. Как бы то ни было, такова воля покойного.

Лисовский поднялся и попросил присутствующих:

– Пройдемте со мной. Ячейка может быть открыта только когда все мы в сборе. Остается спуститься на первый этаж, где находится хранилище.

– Давид учел все детали, – хмыкнула Ольга. – Даже ехать никуда не придется.

Комментировать ее слова желающих не нашлось. Геннадий, Юрий и Наташа с Любой ушли вслед за Аркадием для оформления документов. Я хотела было последовать за ним, но Лисовский меня остановил:

– Не спешите, Лиза. Вам придется пройти с нами.

Я растерянно посмотрела на Нину. Она кивнула. Пришлось повиноваться. Прескверный день. Скорее бы он уже кончился.

В полном молчании мы гуськом спустились вниз с третьего на первый этаж. Смутив охрану банковского хранилища своим количеством, мы были допущены в святая святых. По очереди расписались в нужных документах и, покинутые сотрудником банка, остались одни в душной тесной комнате, все стены которой были заставлены небольшими пронумерованными ячейками.

Ячейка Давида значилась под номером сто семьдесят один. Как и все, она открывалась двумя ключами. Банковский ключ торчал из ячейки – клерк сделал свою часть работы перед уходом. Вторым оказался в руках Владислава Викторовича.

– Давай, Влад, – велела Ольга. – Не тяни.

Под прицелом взглядов полный достоинства Лисовский открыл ячейку и, аккуратно придерживая ее, положил на стол. Едва не треснувшись лбами, вдовы тут же склонились вниз.

– Дамы, – укорительно произнес Лисовский и наконец поднял крышку.

Тишина стояла хоть ложкой ешь. Все таращились на конверты из плотной бумаги, перевязанные бечевочкой и запечатанные сургучной печатью с инициалами Давида.

Мне вдруг стало очень страшно. Ведь именно такой конверт я наемдни передала на кладбище. До этого момента происходящее казалось мне очередной причудой Давида. Он попросил меня об услуге за несколько дней до смерти. Я все списала на присущий ему романтизм, не веря всерьез, что когда-нибудь возьму врученный мне в руки конверт.

Но Давид скончался, и его просьбу необходимо было исполнить, что я и сделала. И только сейчас, так непоправимо поздно, я стала осознавать, что все не так просто, как я считала. Его завещание, такое ни на что не похожее и запутанное, эти конверты... Все было не просто так. Он никогда и ничего просто так не делал. Чего же желал он, покидая этот мир?

На каждом конверте каллиграфическим почерком Терновцов вывел имя адресата. Хмурый и озадаченный Лисовский вручил их нам по очереди. Лена попыталась сорвать печать, но Лика тут же ухватила ее за руку. Смотря на нас с вызовом, сказала:

– Вскрываем либо вместе, либо никто не узнает, что Давид оставил мне и сестре!

– Идет, – кивнул Глеб. Он заговорил впервые за все время. Звук его глубокого чуть хрипловатого голоса производил магнетическое действие.

Не дожидаясь чужой реакции, он направился обратно в офис. Легко перескакивая через две ступеньки, поднялся на третий этаж. По-хозяйски вошел в переговорную и сел на свое место. Конверт положил на стол прямо перед собой.

Следом изрядно запыхавшись, ввалились вдовы. Я замыкала строй. С той минуты, как я увидела конверты в ячейке, тревога, словно заноза, засела где-то меж ребер и ныла все сильнее с каждым ударом сердца.

Галантно придержав мне дверь, Лисовский пропустил меня в комнату. Я плюхнулась рядом с Ниной. Адвокат занял прежнее место. Поправил очки. Все ждали от него некоего озарения. Но Владислав Викторович был запутан и смущен не меньше нашего. К тому же, он и Русик – единственные, кому конверт не достался. Похоже, это их задело.

Глеб вновь взял штурвал на себя:

– Открываем на счет три.

Треснул сургуч, зашелестела бумага и Ольгино «что за хрень?» выразило всеобщее недоумение.

Следуя примеру Глеба, каждый вытряхнул содержимое конверта на стол. Завещание Терновцова составило: ключ замысловатой формы для его сына; открытка для сестры; Юльке досталась бритва, что когда-то была в ходу у брадобреев; Ольге – старинная монета; Стелла беззгиливо изучала Ветхий Завет, явно сочтя сей дар насмешкой над ее ценностями; Лена вер-

тела в руках дивной красоты флакончик с непонятным бурым порошком внутри; а ее сестра пыталась сдержать слезы, рассматривая порванную нитку бус перед собой.

В моем конверте была толстая тетрадь и несколько листов бумаги. Проигнорировав последние, я взяла в руки тетрадку. Изумительная работа. Кожаный переплет пухлой тетради был покрыт орнаментом невероятной красоты. Плотные листы шелковой бумаги сияли белизной, а по кончикам были позолочены. На первой странице красивым почерком Давида было выведено: «Глава 1. Путешествие начинается». На какую-то долю секунды, сердце мое запело, мне почудилось, что я вновь в его кабинете, а он, усевшись в любимое кресло, рассказывает мне очередную байку...

Но нервный возглас Русика безжалостно вернул меня к действительности:

– Что в этих бумагах?! Читай вслух!

Нина подняла бровь и спокойно поправила:

– Пожалуйста.

– Что?!

– Читай в слух, пожалуйста.

Русик нервно заерзал на стуле. Будь перед ним кто другой, он бы непременно сорвался. Но Нину боялись и уважали все. Оттого ему пришлось заткнуться.

– Это дарственная на Эдем, – вернув документы мне, сказала Нина. – Особняк и все, что в нем находится, включая антиквариат и картины, полный перечень прилагается... Все принадлежит Лизе.

Что тут началось... Вдовы повыскакивали со своих мест и, во главе с грозно размахивающим руками Русиком, ринулись на меня. Инстинктивно я тоже выпорхнула из кресла. Признаться, хотела ринуться за дверь. Но уперев руки в боки, путь преградила Ольга. Она так громко закричала, что я невольно попятилась назад.

Во всеобщем гомоне попытка Лисовского всех утихомирить провалилась безвозвратно. Толпа одуревших наследниц надвигалась на меня словно волна цунами на крохотный остров, при этом никто из них даже не попытался меня услышать. Даже слово мне не позволили произнести.

Я пятилась к стене и налетела на известно откуда взявшегося Глеба. Затравленно обернулась и встретила его спокойный мирный взгляд. Руки его оказались на моих плечах. Склонившись ко мне, ибо иначе я не услышала бы его, он сказал:

– Уходим.

Резко взял меня за руку и потянул за собой. На ходу кивнул Нине, та тут же поспешила следом. Ругательства сыпались нам в спину, но никто не попытался остановить наше трио.

Оказавшись на улице, я жадно вдыхала воздух и пыталась успокоиться. Меня трясло и руки ходили ходуном. Глеб хмурился. Нина посмотрела с жалостью.

– Лиза, нельзя все воспринимать так близко к сердцу.

– Нина, я ничего не просила и не знала, и...

Она коснулась ладонью моей щеки, призывая к спокойствию. Сказала вкрадчиво:

– Не оправдывайся. Не надо. Это его решение. И мы, я и Глеб, принимаем и поддерживаем его.

Глеб кивнул, поддерживая тетку. Но мне отчаянно хотелось убедить их, что я не должна быть в завещании Давида, что мне ничего не нужно.

– Жены, они считают, что...

– Не им судить, – отрезала Нина, и в голосе ее зазвучал металл. – Это дело семейное. И только. Ни одна из этих вопящих женщин не носит фамилию моего брата. Значит и правом голоса не обладает.

– Но...

– Больше никаких «но». Тебя подвести до дома?

– Нет, я на машине. Я бы хотела вернуться и объяснить...

В этот момент на третьем этаже распахнули окно. Я заметила рассерженного Лисовского. Похоже, обстановка накалилась настолько, что в комнате стало нечем дышать. Крики женщин разлетались по улице, привлекая внимание прохожих.

Нина ухмыльнулась и посмотрела на меня насмешливо. Желание возвращаться растаяло вместе с храбростью. Отчаянно захотелось зареветь.

Прекрасно понимая, что теперь я точно никуда не вернусь, Нина протянула мне мою сумку (спасаясь бегством я про нее и думать забыла, а она взяла). И вложила конверт в мои руки.

– Все именно так, как и должно быть. А теперь езжай домой. Всем нам необходимо отдохнуть и подумать.

У каждого свой способ привести в порядок нервы. Я находила умиротворение в кулинарии. Оттого, накупив снеди на целую роту, я кое-как дотащила пакеты до кухни и принялась творить и успокаиваться.

К вечеру заметно устав и наготовив блюд на целый пир, я сумела навести порядок в своих мыслях и вытряхнуть как сор ненужные эмоции.

Поставив чайник, я присела отдохнуть. В духовке румянился пирог с вишней, планшет играл грустную песню о вчерашнем дне.

Вдыхая воздух из открытого окна, я пила чай и пыталась направить свои мысли в противоположное от текущих проблем направление.

Во двор заехал «Порш» бирюзового цвета. Я обреченно вздохнула. Почувствовав мой взгляд, Юлька задрала голову и помахала рукой. Я ответила тем же. Чертыхаясь, пошла открывать дверь. Началось.

– Судя по ароматам, стресс ты снять успела, – чмокнув меня в щеку, хмыкнула Юлька.

– Судя по тому, что ты здесь, все усилия напрасны – грядут испытания.

– Вдовы еще не навестили?

– Ты первая.

– Я всегда первая.

Юлька обожала соревнования. Она ввязывалась в любую эстафету, любой приз и победу была готова добывать любыми усилиями и, увы, не всегда праведной ценой.

Сработал таймер духовки, и я помчалась доставать пирог. А поставив его на плиту, поморщилась. Вернулась в коридор и в подтверждение своей догадки, обнаружила свой конверт в Юлькиных руках.

– Не стыдно?

Юлька посмотрела на меня своими огромными голубыми глазищами и улыбнулась, словно мальчишка-сорванец:

– Нисколечко.

Я протянула руку и попросила:

– Верни.

Не споря, она протянула конверт. Я унесла его в комнату, для верности спрятав под подушку. Собственно, в том, что он кому-то понадобится я сомневалась. Но и раскидываться больше не собиралась.

Не дожидаясь приглашения, Юлька взяла тарелку и принялась накладывать себе еду. Поскольку моя кухня превратилась в шведский стол выбрать было из чего.

Я села в уголок и, допивая чай, ждала не мешая. Периодически она тыкала ложкой в какое-нибудь блюдо и спрашивала:

– А это что?

– Кус-Кус.

- Круто! Это?
- Здесь кинза, ты ее не ешь.
- Фу. А вытащить нельзя?
- Нет, она же мелко порезана.

Наблюдая за ней, я в который раз подумала, что Юлька красавица. Высокая, подтянутая, она обожала спорт. В свои тридцать четыре она собрала целую коллекцию разномастных медалей и кубков. Вместе с дипломами, грамотами и грудой статуэточек, призванных подчеркнуть ее вклад в то или иное дело, они украшали холл ее квартиры. Человеку, впервые увидевшему этот парад достижений, всегда становилось дурно и некомфортно, ибо собственные заслуги, вне зависимости от их величины, меркли тотчас. Я же предпочитала ей гордиться, а не перебирать в уме свои недостатки и успехи. Так и мне спокойнее и ей приятнее. И, судя по тому, что она зачислила меня в список своих подруг (состоявший из единственного имени), тактика была правильной.

Пару недель назад Юлька обрезала свои пушистые каштановые волосы чуть выше плеч. Новая длина все еще была ей непривычна, оттого она частенько касалась волос. Вот и сейчас, поправив завитые еще утром кудри, убрала их за уши и плюхнулась за стол.

Хитро прищурилась и спросила:

- Ну?
- Что «ну»?
- Какого это в один миг стать миллионершей?
- Слушай, -поморщилась я. – Я не собираюсь претендовать на Эдем и...
- Ты что, собираешься отдать его этой белобрысой врунье? Она ему даже не жена! Как оказалось...
- У Давида еще есть сын и сестра, -напомнила я.
- И оба баснословно богаты, – в свою очередь напомнила Юлька. – Им эти деньги, что мне пара сотен.
- Эдем – не мешок денег.

Юлька посмотрела хмуро. С этим даже она спорить не могла. Дом Давида был чем угодно, но не клочком земли к продаже. Он был символом, местом паломничества, приютом, тихой гаванью, бойцовским рингом... Чем угодно. Но не объектом недвижимости.

В надежде на то, что она умнее меня, я спросила:

- Зачем мне яхта, Юль?
- Чтобы вести судовой журнал, – лучезарно улыбнулась она.
- Какой еще журнал?
- Ту тетрадку, что была в конверте. Разве это не он? Дневник путешествий по морям и океанам.

Эта мысль не приходила мне в голову. Я посмотрела на нее с уважением. Но радости все же не почувствовала.

– Не парься, яхту уж точно можно продать без зазрения совести. И поверь мне, эта посуда вполне может обеспечить тебя на ближайшие лет десять. А с твоим никудышным аппетитом и на все двадцать.

- Тебе не кажется это странным?
- Ты про все эти тайны и пляски вокруг завещания? Странность немного не то понятие в данном случае. Давид сидел на лекарствах, похоже, они дали о себе знать столь причудливым образом. Одни эти конверты чего стоят...

– Он был болен, но не безумен, – отрезала я. Юлька поникла.

Но тут же шустро подскочила и принялась заглядывать в кухонные шкафы. При этом хмурилась и вид имела очень деятельный.

- Может, я тебе подскажу, где искать?

Обернувшись, она ничуть не смутилась. Кивнула, соглашаясь с тем, что так будет быстрее. Вытащила бокал с одной из полок и, взглянув на него выразительно, сказала:

- Надо бы наполнить.
- Есть красное вино. Осталось от соуса. И коньяк.
- Для соуса?
- Для бессонницы.
- Вино. В нем ведь истина, не так ли?
- Скорее беда, – наполняя бокал из тонкого стекла красным как кровь напитком, заметила я.

На втором бокале Юлька вернулась из мира собственных мыслей ко мне. Сказала, мерцая голубыми глазищами:

– Думай, что хочешь. Но я предпочту поверить в то, что Давид спятил, чем в то, что он поступил так с нами.

– Терновцов – выходец из семьи скромнейших инженеров. Все, чего он добился – исключительно его заслуга. И счастливый случай, конечно, тоже.

– Слушай, – поморщилась Юлька. – Не втирай. Я помню, что именно тебе он диктовал свою биографию, но *мне* пересказывать ее не надо.

– Не злись, – попросила я. – Мне ничуть не проще твоего.

Юлька посмотрела на меня внимательно и неожиданно расхохоталась. Громко, звонко, до слез. И от этого смеха мне стало жутко.

– Даже не сравнивай, – зло прошептала она. – *Ты* понятия не имеешь, каково это быть с ним и потерять. *Тебе* неизвестно, что значит быть его женщиной.

Она резко отвернулась и замолчала в досаде. Я тихо ждала, давая ей время усмирить вырвавшиеся чувства.

– Мне было двадцать шесть, когда я устроилась простым пиарщиком на киностудию, – заговорила она, и голос ее чуть дрожал. – Через месяц после того, как он впервые увидел меня, мы стали любовниками. Родители были в шоке. Такая разница в возрасте... Мне было плевать на их мнение. Давид даже на смертном одре был красив как бог. Или дьявол. Не знаю уж... Все те сопляки, что были у меня до него и в подметки ему не годились. Я влюбилась в него, как кошка. Чертова мартовская кошка! Мне казалось, он вечно будет со мной. Только со мной. Что я – не те идиотки, что были у него до меня... Дура!... Я хотела забыть его. Не вспоминать. Но не смогла. А со временем привыкла быть одной из... Когда-то я боялась уподобиться Стелле или Ольге, презирала их за то, что они не живут своей жизнью. Что вцепились в него, как клещи. Но потом поняла... И все же, быть как они было невыносимо. Я хотела быть незаменимой для него. И стала. Не в жизни. Не в постели. В бизнесе. Пусть так, но зато мне не было равных... Давид часто повторял, что я должна быть «умной девочкой». Создать семью, родить ребенка. Он винил себя в моем выборе. Особенно последние годы. Великий Терновцов был не способен осознать элементарного – я не желаю никого иного. И другая жизнь, жизнь, где нет его, мне не нужна... Я пыталась притворяться. Даже замуж вышла. Но себя обманывать – дело пустое. Я научилась наслаждаться обществом мужчин, их вниманием, поклонением... но ни к кому из них сердце не лежит.

Юлька посмотрела на меня полными слез глазами и спросила, пытаясь улыбнуться:

- Как думаешь, может, я однолюб?
- Почему бы и нет?
- Я бы предпочла верить, что мой шанс еще впереди.

Юлькины слова разбередили и мою рану. Я тряхнула головой, отгоняя непрощенные воспоминания. Любое настоящее мне было предпочтительнее прошлого.

- Все же давай придерживаться фактов, – предложила я. – Давид не был безумен.
- Факт номер один.

– Но все же затеял непонятную кутерьму с завещанием. Он отблагодарил верных ему людей щедрыми подарками и отпустил с миром, вычеркнув их из дальнейших событий.

– Факт номер два.

– Однако все близкие ему люди... За исключением меня, пожалуй...

– Не приуменьшай. Исключений нет. Все близкие ему люди попали в какой-то отдельный список и получили по непонятному конверту с еще более непонятной хренью.

– Факт номер три.

– Вполне очевидно, что свое завещание, а также процедуру его оглашения, Давид продумал до мельчайших деталей. При этом, распоряжений касательно своего многомиллионного состояния он не оставил. Особняк и лодка не в счет – они капля в море. И это факт номер четыре.

– Почему мне кажется, что Давид оставил нам ребус, который волей-неволей придется разгадать, или жизни не будет?

– Тебе не кажется. Факт номер пять.

Я устало потерла ладонями лицо и буркнула недовольная всем светом:

– Я ничего не понимаю!

– Что-то мне подсказывает, что Давид оставил нам еще множество подсказок. И ждать себя они не заставят.

– Я ничего не хочу разгадывать, – взвилась я. – Меня вообще ничего здесь не держит. Уже завтра же я могу сесть на самолет и умотать хоть...хоть... в Австралию!

– Далеко... А сможешь?

Юлька хитро прищурилась. Я же закусила в досаде губу. Гораздо позже, вспоминая этот разговор, я отдавала честь и костила на чем свет стоит прозорливость Давида. Он знал всех нас лучше нас самих. Многое из того, что произошло дальше было просчитано им заранее. Увы, не все. Он все же был идеалистом и думал о людях куда лучше, чем мы есть. В этом была его самая главная ошибка, приведшая к непоправимым последствиям.

Понаблюдав за мной, Юлька прищурилась и заявила:

– Мне нужна твоя помощь.

– В чем? – встревожилась я, ожидая подвох. И не зря.

– Я хочу разгадать головоломку.

– Или утереть нос вдовам?

– Не без этого.

– Это плохая затея.

– Зато куш хорош.

– Меня не интересуют деньги.

– Помню. В какой семье без дурочки?

– Я тебя сейчас выгоню.

– Не-а. Ты же еще и добрая. Гремучая смесь.

– Не испытывай мое терпение.

Юлька усмехнулась. Похлопала красивыми глазками и вытащила козырь из рукава.

– Ты перед ним в долгу, не забывай.

– Это низко. Напоминать мне об этом сейчас.

– В любви и на войне...

– Любовью здесь и не пахнет. А о войне речи не идет.

– Как сказать... Никто из нас не получил Давида. Но! Та, что получит его деньги, в итоге станет победительницей в этой бесконечной войне за его сердце.

– То, что ты говоришь ужасно. Вы все спятили.

– Причем давно. И в этом только его вина.

– Давид никого не держал силой.

– Конечно, нет. Только вот без него все становилось не в кайф.

– Юля, послушай...

– Нет, – отрезала она, и в глазах ее блеснула сталь. Та самая сила, невероятная упертость, что приводила ее к победе. – Давид помог тебе. Долг платежом красен.

– Если я и должна что-то, то не тебе. Не бери на себя слишком много.

– А речь и не обо мне. Только о Давиде и его загадке. Мы должны ее разгадать.

– А мы, это ты и я, надо полагать?

– Умница. Светлая голова.

Я задумалась. Ничто не мешало мне послать Юльку к черту. Но слова ее задели за живое. Она права, Давид что-то затеял. Все это не просто так.

И я действительно в долгу перед ним. Отрицать бессмысленно.

Но, что важнее всего, я сама хочу понять, что происходит. Что он придумал? Почему это было столь важно для него? Чего ждал от меня, включая в список адресатов?

– Что делать будем? – поразмыслив еще некоторое время, спросила я.

– Сначала скажи, ты на моей стороне?

Я нахмурилась. Вот только строительства баррикад и разделения на «своих» и «чужих» мне не хватало.

– Ни на чьей, – отрезала я. – Я попытаюсь разобраться с загадками Терновцова. Если будет с чем разбираться! Но не более того. Если ты и вдовы затеете междоусобную войну – я пас.

– Ты забыла про блудного сына и младшую сестрицу. Они ведь тоже в его списке. И, как мы понимаем, не просто так.

– Повторяю. Если есть загадка, которую Давид завещал нам разгадать – я сделаю все от меня зависящее, чтобы его последнюю волю исполнить. Какой бы дурацкой она мне не казалась. Но участвовать в семейных дразгах и бабьих разборках не стану. ТЧК.

Проигнорировав мои уговоры вызвать такси, Юлька загрузилась в свой «Порш» и отбыла в неизвестном направлении. Но едва закрыв за ней дверь, мне пришлось открывать ее вновь. За порогом стояли Ольга и Русик.

Всегда готовая к войне Ольга попыталась войти. Я не позволила. Кивнула на ее сынка, плящущего на меня сальными глазками, и сказала строго:

– Он останется на лестнице.

Русик вспыхнул и собрался возопить. Но мать подняла бровь, и он заткнулся. Я пропустила ее в квартиру.

Она шумно вздохнула, набирая воздуха для очередной громогласной арии. Я сказала без намека на любезность:

– Будешь орать выставлю. Выбирай.

Ольга осеклась и слегка покраснела от гнева. Однако совладать с собой сумела. Прошла следом за мной на кухню и уселась на стул, который только что покинула Юлька.

– Вижу, пигалица уже успела у тебя побывать?

За годы бесконечной вражды вдовы успели обрасти множеством ритуалов и процедур на все случаи жизни. Словарем взаимных оскорблений и обидных прозвищ тоже обзавелись.

Часто мне казалось, что их вражда друг другу подменила даже чувства к Давиду. В какой-то мере это было правдой. Все они, как одна, были лидерами по натуре. Обладали недюжинным умом и талантом (но распорядились ими по-разному и часто топили в дразгах и собственной лени).

Следуя лучшим практикам военного дела, они также частенько организовывали союзы, существующие до той поры, пока тема конфликта себя не исчерпывала или приз не доставался победителю. Похоже, сейчас как раз настало время формирования альянсов. И по неведомой

причине вдовы решили, что я могу быть им полезна. До какого-то времени, конечно же. Потом мне, словно глупому цыпленку, надлежало свернуть шею легким движением изящной ручки.

Я почесала нос и в стотысячный раз задумалась, как слепы бывают мужчины... Вся эта бесконечная междоусобная война происходила под самым носом Давида. А он с наивностью школьника верил, что его любовницы столь чисты душой и помыслами, что вполне мирно уживаются друг с другом. А возникающие то и дело стычки – часть женской природы. Их стоит простить и не обращать внимания.

Я села напротив, давая Ольге возможность высказаться первой. Она обвила взглядом кухню и спросила с усмешкой:

– Не предложишь мне кофе?

– Ты пришла не за ним.

– Мне всегда нравилась твоя прямолинейность.

– Она бесила тебя не меньше, чем я сама. Как все вокруг. Итак, зачем я тебе?

Ольга ухмыльнулась. Побарабанила острыми ноготками по столу и, решившись, сказала:

– Я предлагаю тебе тридцать процентов.

– От звездного неба?

– Лучше, – улыбнулась она, и в глазах ее вспыхнула злость. – От наследия Давида. Всего наследия. Киностудии, всех счетов, авторских прав, недвижимости и так далее, и так далее, и так далее...

– Щедро.

– По рукам? – оживилась она. Я покачала головой.

– Ты обещаешь то, чем не владеешь.

– Только пока.

– Разве? Ты ему не жена, не родственница. Наемный сотрудник. Не больше. И оставил он тебе... Что? Ах, да... непонятную монету. И любой адвокат-недоучка скажет тебе, что ни на что другое ты претендовать не можешь.

– Вопрос времени.

– Частный случай «никогда».

– Ты стала на редкость разговорчивой, – хмыкнула Ольга.

Я перегнулась через стол и сказала тихо и оттого особенно внушительно:

– Приходи, когда тебе действительно будет что мне предложить. И тогда, вполне возможно, я поддержу тебя. Ну а пока, твое предложение мне нисколько не интересно.

Следующей была Стелла. Переступив порог, она громко чихнула. Поморщилась и заявила недовольно:

– Ольгиным парфюмом только свинаркам обливаться.

– О вкусах не спорят. Голодна?

Посмотрев на котлеты, аппетитно лежащие на сковородке, спросила с подозрением:

– Невинно убиенные животные?

– Они самые. Желаеть?

Стелла испробовала множество магических и мистических практик, изучила талмуды книг по религии и философии, ни раз и ни два уходила в дальние походы в поисках смысла жизни. Однажды даже пересекла Сахару. Но во вкусной еде так и не научилась себе отказывать. Вегетарианство и вовсе стало для нее неподдающейся вершиной.

Я вручила ей тарелку и предложила ни в чем себе не отказывать. Она и не стала. Кстати, хороший аппетит и неменяющаяся пропорции фигура были одной из причин по которой вдовы верили в ее магические способности (даже если не желали признавать собственную веру).

Утолив голод, Стелла заметно подобрела. Я поставила перед ней чашку горячего чая и блюдо с огромным куском пирога.

– Если хочешь, есть еще ванильное мороженое. С пирогом будет вкусно.

– Хочу! А можно два шарика?

Уплетая десерт, она сияла как ребенок. Но вдруг нахмурилась и посмотрела встревоженно.

– Как ты думаешь, чем мы провинились перед ним?

– Боюсь, у меня нет ответа.

– Но ты тоже считаешь, что Давид ушел недовольным нами? – не отставала Стелла. – Считал, что мы подвели его?

Я предпочла, чтобы она не видела моего лица. Повернувшись спиной к гостье, подошла к окну. Стелла не торопилась.

Однажды я поняла банальную истину – смерть и жизнь едины. Как и рождение, она часть нашего пути. Этого не изменить. Она может быть милосердна и добра, как любовь. Жестока и мучительна, как месть. Я поняла это очень давно. Но принять не смогла по сей день.

– Мне бы хотелось сказать тебе, что он ушел с миром. Что там, где он сейчас, ему лучше, чем где бы то ни было. Более того, мне и самой хотелось бы в это верить. Но... Разве уходящий с миром человек оставляет близким неразгаданные послания?

– Мы все виноваты перед ним, – сказала Стелла, и голос ее дрогнул.

– Мы перед ним, он перед нами. Вами.

– И тобой.

– Нет. Никогда. Мне не в чем его винить.

– Даже в том, что он ушел, и ты одна?

– Все уходят. Уйдем и мы.

– Не ожидала от тебя подобной банальности.

– Физиологический факт. Старение и гибель организма неизбежны.

– Ох, не начинай. Этот твой рационализм сводит меня с ума.

– А меня неразгаданные головоломки.

– Я чувствую беду.

– Надеюсь, ты ошибаешься. Но в том, что шуму будет много, сомнений быть не может.

– Ты останешься с нами?

– Я не та, кто может вам помочь. Я даже себе помочь не способна.

– Это не так, – приблизившись ко мне, сказала Стелла. Положила ладонь на мое плечо и сказала ласково. – Ты сильнее, чем думаешь. *Он выбрал тебя.*

Усевшись в кресло с книжкой, я принялась ждать очередного визита. Но за последующий час дальше первой строчки не продвинулась. Мысли мои были где угодно, но не здесь.

Сестры явились вдвоем. Уже не спрашивая, я молча достала тарелки и велела им подкрепиться. Мне с утра кусок в горло не лез, но некая польза от моей стряпни все же была.

Утолив аппетит, они перешли к делу. Партию первой скрипки взяла на себя лже-супруга Давида:

– Ты можешь оставить себе Эдем.

– Попробуй еще раз.

Усмешка показалась и на губах Лики, накрашенных яркой помадой. Она откинулась на спинку стула и посмотрела на меня будто на одну из своих ассистенток на съемочной площадке. Нотка надменного презрения вровень с превосходством появилась в голосе:

– Сколько ты хочешь?

– Последняя попытка.

Со времени нашего знакомства, Лика имела возможность ни раз и ни два убедиться в том, что терпением меня бог не наградил. И, если раньше, будучи супругой моего работодателя, она имела возможность поиграть и помотать мне нервы, то сейчас все кардинально изменилось.

Она понимала это отлично. Как и Лена, мышкой затихшая в углу, уступив поле битвы (или переговоров) сестре.

Сменив амплуа, она сказала доверительно:

– Ты же прекрасно понимаешь, что эти чертовы бабы сожрут меня и не подавятся. Особенно сейчас.

– Понимаю. Но это дела семьи – не мои. Я уволилась, забыла?

– Помоги мне, и работать тебе до конца жизни не придется.

– Давид был щедр ко мне. Посему, не напрягаться я могу уже сейчас.

– Ты ведь не собираешься продавать Эдем? – бросив на меня быстрый взгляд, спросила она.

Похоже, такой вариант развития событий даже для прожженной карьеристки Лики Шайн был невозможен.

– Я пока ничего не решила.

– Если кто-то из них пообещал тебе золотые горы, то я заплачу в два раза больше и...

– Не траться на слова. Я никому ничего не обещала.

Очередной быстрый взгляд и вежливая улыбка вслед за ним. Лена превратилась в статую, ее выдают только бегающие от меня к сестре глазки.

– Интересный расклад, не правда ли? Меньше недели назад ты была чуть выше прислуги. Тебе не трогали поскольку не видели угрозы. Никто не воспринимал тебя всерьез. Да и Давида сердить не хотели... А теперь? Мы выстроились в очередь, прося тебя о помощи. Каждая отлично понимает, что, чтобы не затеял Терновцов, ты одна сможешь понять его замысел. Разгадать чертову шараду.

– Ветер перемен.

– Он самый. Совсем не ласков.

– Пожалеть тебя?

– Обойдусь, – хмыкнула Лика. – Лучше помоги мне найти деньги.

– Что их искать? Давид хранил их в сейфе в кабинете. Шифр тебе известен.

– Сколько с тобой общаюсь, а так и не поняла. Дура ли ты или нас таковыми считаешь?

– Все сказала?

– Давид не оставил распоряжений о своем имуществе, – проигнорировав мой вопрос, по-деловому заговорила Лика. – Поскольку завещать оказалась нечего. Киностудия, права на все его работы отойдут сыну. Лисовский об этом не знал. За оформление всех бумаг Давид обратился к другому адвокату.

– Хорошее решение. Честное.

– Даже не сомневалась, что ты так скажешь. Добродетельная, ты наша! Только отчего у тебя в глазах вечно черти пляшут?! – взвилась Лика, но тут же пришла в себя. – На момент нашего утреннего сбора Глеб не знал о решении отца. Давид «радует» нас по круплицам.

Вернулась ненадолго уснувшая тревога. Что он задумал? К чему все эти тайны, сложные ходы, достойные великих гроссмейстеров? Куда он ведет нас? Чего желал, встречая смерть?

– Тем проще, – пожала плечами я. – Не из-за чего будет драться.

– Не строй из себя идиотку, – обиделась Лика. – Тебе ли не знать, что это вовсе не все? Проблема в другом.

– В чем же?

– За месяц до смерти Давид продал абсолютно все свое имущество, не считая киностудии, яхты и Эдема. Деньги от продажи, а также со всех счетов, вкладов, исчезли бесследно. Пропали и оригиналы полотен, хранившиеся в Швейцарии. Вся его коллекция картин пропала! Ты понимаешь, какие это деньги?!

– Нет, – честно призналась я. – В искусстве я полный ноль.

Лица покраснела от досады. Но и слова лишнего себе не позволила. Ставки слишком высоки.

– Я считаю, что перед смертью он спрятал деньги и картины. И конверты, что мы получили сегодня – подсказка. Ключ к тому, где их искать.

Я нахмурилась. Слова Лики, сколь бы невероятными они не казались, походили на правду. Подобная затея вполне в духе Давида. Однако соглашаться с ней я не спешила.

– Зачем ему это?

– Понятия не имею, – развела руками она. – Повеселиться напоследок. Нас проучить. Упростил себе выбор наследника или наследницы. Дескать, кто нашел, того и деньги, а он, добрый такой, всем равный шанс дал.

– Равный шанс, – задумчиво повторила я. – А ведь правда. У каждого ровно по одной подсказке. И ведь эти предметы явно указывают на что-то...

– Так, ты с нами? – оживилась Лена. Я удивилась.

– С чего бы это?

Лица треснула сестрицу по ноге. Наверное, это должно было быть незаметно. Но стол от ее движения подпрыгнул, а гримаса Лены явно дала понять, что удар был сильным.

– Равны, да не у всех, – ничуть не смутившись, продолжила кинозвезда. – Ты вела его дела все последние годы. Никто не знал о нем так много, как ты.

– Все нет, – замотала я головой и напомнила. – Я понятия не имела о его чудачестве.

– Но догадывалась? – прищурилась Лица.

– Нет. Если ему кто и помогал, то не я.

– Я тебе не верю.

– Твое право.

– Не сможешь?

– Нет. Но и мешать не буду.

В очередной раз услышав трель домофона, я содрогнулась. Тут же возникло малодушное желание притвориться, что меня нет дома. Но, устыдившись его, я смиренно поплелась открывать дверь.

Прислонившись плечом к дверному косяку, смиренно ждала пока поднимается лифт и гадала, чего ждать на этот раз. Увидев меня, Нина понимающе хмыкнула.

– Вижу, вдовицы тебя уже навестили.

Я кивнула, не желая вдаваться в ненужные подробности и пропустила прибывших в дом. К моему удивлению, Глеб сопровождал тетку.

Он вошел, а вместе с ним воспоминание, о котором никому не следует знать. Только нам двоим.

– Будете ужинать?

Стрелки часов перевалили за двенадцать, но почему-то не было причин сомневаться, что Терновцовы с утра и крошки не съели.

– Остались котлеты, овощи и пирог. А! Еще мороженое.

– Пируем, – улыбнулась Нина. И только сейчас стало заметно, как сильно она устала.

Не портя ужин тяжелым разговором, мы поболтали на безобидные темы. А едва закипел чайник, Нина спросила:

– Мы последние или еще кого ждать?

– Последние, – кивнула я и мысленно добавила «надеюсь».

– Сулили тебе неземные блага?

– Скорее, земные.

– Уже знаешь о судьбе киностудии?

– Да, и о пропаже денег и картин тоже.

– Славно, – кивнула Нина. – Тогда перейдем к главному.

Я насторожилась и посмотрела на гостей с опаской. Оба выглядели столь спокойно, столь решительно, что мне стало по-настоящему страшно.

Нина кивнула на стул и предложила:

– Присядь. Разговор не простой.

Вернув на место чайник, я уселась на свой стул и приготовилась к... Не знаю, чего я ожидала. Но точно не того, что Нина скажет:

– Я хотела, чтобы ты узнала от меня... Давид умер не своей смертью.

– В смысле? – не поняла я. – Он болел уже длительное время, все показатели...

– Моего брата убили.

Время остановилось. То есть я слышала, как тикают стрелки часов на запястье Глеба. Но для меня время остановилось. И еще очень долго, словно зацикленная пластинка, вновь и вновь крутилось в голове «убили», «убили», «убили»...

Скользя по ровной поверхности шоссе, я мысленно пыталась предугадать будущее. Я оказалась в водовороте событий, на которые не могла повлиять. Предвидеть, к чему приведет мое решение, было и вовсе невозможно. Поступила бы я иначе, зная последствия?

Эдем находился в часе езды от города. Давид рассказывал, что нашел это место случайно. Во времена плохого настроения, тяжелых дум и творческих мытарств, он часто бродил где-то попало или садился за руль, ехал не разбирая пути. Так случилось и тогда.

Петляя по дорогам Ленинградской области, он уперся в заброшенное Богом и людьми местечко. У подножья невысокого холма бурлила река, разбиваясь темными волнами о гранитные глыбы. По обе стороны ее берегов шелестел лес, и в обозримой дали не имелось ни единого человеческого жилища. Дальше, по течению реки, было несколько плавучих островов, а смешанный лес уступал место сосновому бору. От тишины и свежего воздуха становилось дурно, но вместе с тем, жизнь словно заполняла легкие, тело, проясняла мысли и затуманенный серостью будней взгляд.

Последнее осталось неизменным и сейчас. Хотя вряд ли в просторном поместье Давида теперь можно было узнать тот брошенный край, что был когда-то. Разве что бурная река осталась все столь же темпераментной. Все остальное, усилиями дизайнеров, садовников и архитекторов изменилось всецело.

Закладывая дом, Давид мечтал основать некий приют (уютный и фешенебельный) для себя и своих сотоварищей – служителей искусства. И создал. И слава его гремела по миру. Посещение Эдема стало сродни признанию в мире искусства. За кованые ворота огромного сада могли войти лишь избранные, как и за ворота рая. А ключ от них был лишь у Давида. И за это его равно обожали и ненавидели.

Но годы изменили его представление о том, чем должно стать это место. Постепенно творцы и музы исчезали из комнат и залов особняка, на лужайках больше не играли музыканты и не писались картины. Лишь для избранных, для самого ближнего круга, Давид открывал двери своего *дома*. А в последний год и от них Эдем был сокрыт.

Последние месяцы уходящей жизни Давид провел прогуливаясь по аллеям парка, отдыхая в тени беседок сада. Он подолгу сидел на пристани, прислушиваясь к ворчанию реки и забывая о книге, что лежала на его коленях. Вечерами он пил обжигающе горячий и непомерно крепкий кофе на веранде или подле камина, чье пламя так и норовило ухватить край его пледа.

Наблюдая за ним, я восхищалась его спокойствию. Его принятию себя и своей судьбы. Он казался мне смиренным праведником, принявшим прожитую жизнь и скорую смерть. Я считала, он счастлив. Что несмотря на неизбежные страх и боль, он доволен тем, как сложилась его жизнь, уверен и рад своему окружению.

Оказалось, я ошибалась. Я была с ним почти постоянно. Но не имела ни малейшего понятия, что на самом деле творится в его душе. Выходит, он лгал мне так же, как и им? Или моя вина перевесила все то доброе, что он чувствовал ко мне когда-то?

Бросив машину возле особняка, я с тяжелым сердцем вошла в холл. Тишина стояла несказанная. Что особенно странно, учитывая, что все вдовы здесь.

Собственно, удивляла именно тишина, сопровождавшая их присутствие. Подобного на моей памяти не случалось. Каждая из них была натурой деятельной и на месте не сидела. Посему, даже, если никто не состязался за первое место в доме, шума от их присутствия всегда было предостаточно. Но не сейчас.

Задрав голову вверх, я прислушалась. Ничего. Даже слышно, как на сквозняке едва ощутимо звенят хрустальные капли огромной люстры.

То, что мое появление не стало секретом сомнений не вызывало. Подходя к дому, я видела, как колыхнулись занавески сразу в нескольких окнах. Но ни одна из обитательниц особняка не вышла даже на лестничный пролет. Что ж, поиграем...

Перехватив ручку чемодана поудобнее, я направилась в свою комнату. Как и остальные комнаты для прислуги, она располагалась на первом этаже. Правда, кроме меня и Юры в доме никто постоянно не жил. Но частенько оставались. Здесь же размещалось несколько комнат для гостей. Однако обычно их не использовали, так как на втором этаже гостевые были куда богаче. Эти же предназначались на случай полного заполнения особняка или для не слишком ценных визитеров. Но ни тех, ни других Эдем не видел с тех пор, как Давид превратил его в место уединения и созерцания.

На втором этаже обустроились все жены. Вдовы. Их спальни были в правом крыле, спальни для гостей находились в левом. Строго, как и на первом этаже.

Третий этаж всецело принадлежал Давиду. Самой маленькой комнаткой была его спальня. Из нее же открывался лучший вид. Остальное пространство было поделено на две неравные половины: небольшую гостиную, где он проводил большую часть своего времени, и студию.

Что творилось на чердаке я не имела ни малейшего понятия, ибо за все время ни разу туда не поднималась. В подвале же, помимо хозяйственных помещений, располагался огромный гараж, вмещавший в себя не только автомобили обитателей особняка, но и коллекционные машины из собрания Давида. А также обширный винный погреб и подсобные помещения.

Ключ с пушистой кисточкой по-прежнему был вставлен в замок моей спальни. Но в самой комнате некоторые вещи лежали не так, как я оставила их. Комнату явно обыскали, и не раз.

Распахнув окно, я запустила в просторное помещение свежий воздух и ароматы сада. Утренний туман, принесенный с реки, еще не до конца рассеялся. Было прохладно.

Разбирая чемодан, я вновь продумывала свои дальнейшие действия. Призывала себя быть сильной.

В дверь постучали. Страх удушливой волной прокатился по телу. Гоня его прочь, я сказала чуть хрипло:

– Войдите.

В комнату робко заглянули Наташа и Люба. Но встретив мою улыбку, тут же принялись обниматься. Однако и без слез не обошлось. Наташа покачала головой и без всякого осуждения, с одним лишь сочувствием, посмотрев на Любу сказала:

– Вот ведь глаза на мокром месте. Как Давида нашли, так и плачет все время... А после того, как узнала, что он о нас, о внуках ее так сильно позаботился, совсем удержу нет...

– Вдовы тоже плачут?

На лице Наташи появилась невиданная доселе жесткость. Непреклонность. Люба зарыдала пуще прежнего, но беззвучно, лишь отирая беспрестанно падающие по щекам слезы.

– Этим дьяволицам все нипочем. Лишь о себе и думают. Полночи ругались, остальные полночи по дому рыскали. Ищут все что-то, да думают, никто их не видит. Срамота! Хорошо, Давид не знает, кем они оказались на самом деле...

Надо сказать, что постоянно из всех жен Давида в особняке жила только Лика. И ее сестрица, конечно, тоже. Остальные заявлялись сюда время от времени. По поводу и без.

С вестью о смерти Давида в особняк вернулись все и разом. Кроме Юльки, но она себя к «женам» не причисляла. Она предпочла остаться в своей городской квартире. Но, полагаю, сейчас ее переезд – вопрос времени. Судя по ее грандиозным планам, в стороне от событий она не останется. Посему ей стоит быть здесь.

– Интуиция подсказывает, что следует ждать гостей. Приготовишь, пожалуйста, комнату Юли? И еще одну, для гостей.

– Гости? – озадачилась Наташа.

– На случай, если сын Давида решит задержаться.

– Так он приедет? – обрадовалась Люба и даже перестала плакать. – Такой славный мальчик. Когда он жил в России, я часто брала его к себе. Нянчила как родного. Давид весь в творчестве был. А бабушке уже тяжело одной, вот мы с Юрой и развлекали его, как могли... Славный ребенок, просто чудо...

Славный ребенок уже давно вырос и веру в чудеса заметно растерял. Но разочаровывать Любу я не стала. Тем более, сама не понимала, как относиться к Глебу. Ведь кто он есть – вторая по значимости и сложности загадка для меня.

Нина же в особняке никогда не оставалась. Давид построил для нее небольшой домик чуть ниже по реке, и она предпочитала жить там. Тем более, что прогулочным шагом до Эдема ей было минут двадцать, не больше.

Других домов в ближайшие несколько километров отсюда не имелось. И в этом было одно из главных преимуществ здешних мест.

Однако скрытость Эдема не всегда спасала от нежелательных гостей. Так, вопреки запрету Давида переступать порог его дома, в особняке поселился Русик. Он, равно как и его мать, теперь делали вид, что почивший хозяин дома никогда подобного не говорил и его присутствие здесь – дело само собой разумеющееся.

Хотя, сам по себе какой-либо запрет из уст Давида – это нонсенс. Более свободолюбивого и открытого человека сыскать на земле было трудно. Пожалуй, ему и в голову не пришло бы ограничивать кого-то. Для него это было столь же немыслимо, как и кому-то позволить ограничить себя.

Однако Русик нарвался. Причина их ссоры была мне неизвестна и абсолютно неинтересна. Знаю только, что Ольга за сына просила, но не была услышана. Что тоже своего рода сенсация, ибо отказывать просящему (особенно женщине, особенно своей бывшей любовнице) Давид, казалось, был неспособен. И все же почти месяц назад Русик стал персоной нон грата.

О том, что он явился, Наташа успела меня предупредить. Посему, услышав его препротивный писклявый голосок, я не удивилась.

– Елизавета Петровна пожаловали, – глумился он, свесившись через перила второго этажа. – Чем обязаны такой чести?

– Куда интереснее, какого лешего ты здесь делаешь? – появляясь из коридора, ведущего в гараж, хмыкнула Юлька.

– А мне твое разрешение не нужно! – тут же взвился Русик. Юлька широко улыбнулась.

– Мое – нет. Теперь Елизавета Петровна здесь хозяйка. Ей и решать. Кстати, тебе особенно важно знать – в офисе Лисовского, вместе с дарственной на Эдем, лежит подробнейшая опись всего имущества. Это я так, чтобы никакая вещица не затерялась...

– Ты что же сына моего в воровстве обвиняешь?! – взвыла Ольга, неожиданно появившись из-за спины сыночка.

– Я? – изобразила изумление Юлька. – Как можно? Сама мысль о том, что столь благо-
нравный гражданин способен на подлость и мелкое воровство...

– Ах, ты...

Ольга стремительно ринулась вниз по лестнице. Судя по тому, что ее слегка пошатывало,
а в руке железной хваткой был зажат бокал с виски, о трезвом уме речи не шло. Я резко шагнула
к ней наперерез, оставив Юльку позади.

От неожиданности ее метнуло вправо. На ногах она устояла, что вселяло некую надежду
на то, что все не так уж безнадежно.

– Приведи себя в порядок. Сейчас же.

– Или что? – показательно сделав солидный глоток, глумливо поинтересовалась она.

Русик радостно лыбился, поглядывая на нас. Я напомнила себе, что душеспасительные
беседы никогда мне не давались. Демонстрируя равнодушие, сказала:

– Ничего. Мы ждем гостей. Быть в адеквате в твоих же интересах.

Не желая продолжать, я развернулась на пятках и зашагала в противоположную сторону.
Юлька тут же поспешила следом. Ольга крикнула напряженно:

– Каких еще гостей?

– В погонах.

Прикрыв дверь кабинета, Юлька спросила:

– Ты серьезно?

– Чувство юмора у меня ныне на нуле. Или ниже оно.

– К нам едут менты?!

– Они самые.

– На кой они здесь?

Ответить я не успела. В кабинет заглянула Наташа и сказала быстро:

– Нина и Глеб приехали.

Я кивнула и поспешила удалиться, оставив Юльку в полнейшем замешательстве. Попривет-
ствовав их, я попросила Наташу:

– Пожалуйста, будь другом, попроси всех собраться в гостиной.

– Если не захотят? – уже зашагав к лестнице, спросила Наташа. Юлька презрительно
хмыкнула.

– За волосы тащи.

Судя по блеску в глазах Наташи, идея ей приглянулась. Похоже, за последние дни вдовы
успели изрядно ее достать.

– Скажи, это касается Давида.

– И его завещания, – добавила Нина и первой направилась в гостиную.

Мы поплелись следом. Глеб замыкал шествие. Я почувствовала его взгляд на своем затылке
и радовалась, что не умею читать мысли.

Он выбрал кресло подле камина в стороне с лучшим обзором комнаты, с отличным видом
в сад. И вряд ли знал, что это кресло его отца.

Я поспешно отвернулась. Находиться здесь становилось невыносимым. А ведь это только
начало.

Пока бурчащие и всячески подчеркивающие свое недовольство вдовы рассаживались по
креслам, диванам и пуфам гостиной, я нервно расхаживала вдоль окна, занимавшего всю пра-
вую стену. Глеб следил за мной с равнодушным вниманием, будто за стрелкой на часах. Осталь-
ные то и дело пытались втянуть друг друга в ненужный диалог. Нина молчала. Я игнорировала
всех.

– Наташа, пожалуйста, попроси остальных тоже присоединиться к нам.

– Остальных? – вскинула бровь Лика.

– Как ты знаешь, в доме еще есть садовник, домработница и водитель, – хмыкнула Стелла. – Или, став почти законной супругой гения, ты перестала отличать их от мебели?

Ли́ка бросила на Стеллу испепеляющий взгляд, не произведя ровным счетом никакого впечатления. Однако от комментариев воздержалась. Как и всех присутствующих, ее тревожило происходящее. И, не разобравшись, она поостереглась показывать характер.

Хотя колкие слова явно вертелись на языке. Ведь в значительной мере Стелла была права. Сестры Черненко выросли в глухом углу Ленинградской области, в забытом всеми крошечном военном поселке. С ликвидацией военной базы, а было это еще во времена крушения Союза, поселок стал хиреть и гнить. Причем разложение шло столь быстро и неминуемо, что к моменту поступления сестер в школу в поселке практически не осталось трезвомыслящего населения. Все, кто думал о будущем, либо уехали в город, либо переселились в более крупные населенные пункты области. В поселке же остались либо лентяи, либо бездари. И те, и другие очень уважали водочку. Но денег на нее не хватало. Родители же сестер охотно предлагали альтернативный напиток, не брезгуя употреблением собственного варева.

Ли́ка сбежала из дома, едва ей исполнилось шестнадцать. Поступила в первый попавшийся техникум, предоставлявший общежитие, и помахала неуместному прошлому ручкой. Лена, будучи всего на год старше, во всем сопровождала сестру. Даже комнату в общежитии они получили одну на двоих.

Учеба Ли́ку не привлекала. Зато манила глянцева́я жизнь. Устроившись ночной официанткой в один из самых дорогих ночных клубов города, она взяла курс на мечту. Несколько лет и покровителей спустя, она уже успела напрочь позабыть и малую родину, и общежитие, и нищету. Щедрый любовник снимал ей шикарную квартиру, подарил новенький кабриолет и пару раз свозил к теплым морям. Лена по-прежнему сопровождала сестру во всех переменах. Разве что на море ее не брали.

Однако кардинальные перемены в ее жизнь принес Давид. Он утвердил ее на роль в своем фильме. На съемках в Сибири между ними завязался роман. По возвращении в Питер она сразу перебралась в Эдем. Лена как-то проболталась, что переезд был столь стремительным, что с бывшим покровителем новая кинозвезда даже забыла попрощаться.

– Принеси мне кофе, – буркнула Ольга, развеяв мои раздумья. – Покрепче.

Люба поспешила на кухню. Я же внимательно посмотрела на Ольгу. Надо признать, что держалась она молодцом. Успела даже переодеться и накраситься. Надеюсь, в мозгах тоже прояснилось. За ее спиной маячил Русик. Он явно сильно нервничал. С чего бы это интересно?

Подождав, пока Ольга получит свой кофе, я сказала:

– Спасибо, что собрались...

– Будешь толкать речь? – поморщился Русик. – Неинтересно.

– Я хотела бы, чтобы вы знали обо всем заранее, – проигнорировав его выпад, продолжила я. – И были готовы.

– Узнали о чем? – заподозрила неладное Ли́ка. Нина едва заметно кивнула.

Словно в пропасть шагнув, я сказала:

– Смерть Давида не была естественной. Его убили. С минуты на минуту прибудет полиция. Они будут беседовать с каждым из нас. Вас.

Тишина настала одуряющая. Вдовы разом превратились в восковые изваяния. У обычно столь острых на слова женщин вдруг исчерпался весь словарный запас. В надежде на глупую шутку их взгляды были обращены ко мне. Увы, я не шутила.

– Уже интересно?

Спокойный и мирный голос Глеба прозвучал словно набат. Он поднялся с кресла отца и приблизился ко мне.

Темно-синие джинсы, рубашка в едва заметную клетку. Непослушные волосы и взгляд... Я опустила глаза в пол. А он заговорил своим чуть хриплым голосом:

– Спасибо, Лиза. Что касается вас, дамы. У вас есть еще некоторое время до приезда следователя. Соберитесь с мыслями. Потратьте время с пользой. Если нужно вызвать адвоката – сейчас самое время.

Их реакция была ему абсолютно безразлична. Мягкой походкой опасного хищника он направился в холл. Юлька не сдержалась и с клокочущей яростью спросила:

– Вы что же это, Глеб Давидович, нас в смерти покойного батюшки подозреваете?

Глеб остановился, но не обернулся. Сказал буднично:

– Не подозреваю. Уверен. Убийца среди нас.

В Эдеме было несколько беседок больше похожих на небольшие летние павильоны времен царской России. Он выбрал ту, что стояла на самом краю холма, открывая величественный вид на бурную реку, лес и бескрайнее северное небо. Ее называли Речной.

Я протянула ему чашку горячего кофе. Обняла обеими руками свою. Мне было никак не согреться.

Посмотрев на меня, Глеб спросил с незлой усмешкой:

– С мышьяком?

– Мышьяк кончился. Положила цианид. Надеюсь, ты не против?

Он вновь усмехнулся и сделал пару глотков. Но вряд ли почувствовал вкус арабики. Все мы сейчас, будто натянутые струны. И мысли у всех об одном.

– Вдовы шумят?

– Нет. Разбежались по дому словно тени от света.

Вновь молчание. Оно не тяготит. Напротив, рядом с ним не так страшно.

– Послушай, я давно хотел сказать, но рядом все время кто-то был...

– Не нужно ничего говорить, – попросила я поспешно.

– И все же... Не вини себя. Ты...

– Я сделала то, что сделала. Моя вина, мой выбор.

– Лиза...

Договорить он не успел. Ожил мой мобильный, и испуганный голос Наташи сказал:

– Полиция здесь.

Их было двое. Следователь, ведущий дело, и его помощник. Оба в штатском, оба с колючим недоверчивым взглядом.

– Владимир Иванович Игнатьев, – представился следователь.

– Сергей Михайлович Тимошин, – вторил его помощник.

Я пожелала себе не запутаться в именах и сказала:

– Все в сборе и ожидают в гостиной...

– Предпочитаю побеседовать с каждым отдельно, – сразу перебил он. Я кивнула.

– Полагаю, кабинет Давида должен подойти. Я провожу.

Из всех помещений особняка кабинет, выполняющий также роль библиотеки, выделялся некоей вычурностью, надменностью, массивностью, незавуалированной роскошью. Создавая проект, дизайнер вдохновлялся интерьерами кабинетов английской аристократии и последних Романовых. Посему, помещение было обшито массивными деревянными панелями, обставлено тяжелой мебелью ручной работы, выточенной искусным мастером из ценных пород дерева; украшено антикварными безделушками и вазами из фарфора сразу нескольких китайских династий.

По правую руку от входа имелся также небольшой оружейный шкаф с коллекцией ружей и мушкетов. Каждое из них представляло музейную ценность, каждое было готово к бою. Но ни одно не было приобретено Давидом – все сплошь подарки, от которых неприлично было избавиться и приходилось хранить на видном месте.

Давид не любил свой кабинет, предпочитая работать в студии на третьем этаже. Но обо-жал хранящиеся здесь книги. Стеллажи от пола до потолка были забиты редчайшими экзем-плярами, составляющими сокровищницу Терновцова. И не было здесь ни одного не прочтен-ного им тома.

Впечатленные увиденным, мужчины, не сдерживая любопытства и восхищения, озира-лись по сторонам. Дав им время осмотреться, я сказала:

– В основном кабинет использовался для проведения интервью. Надеюсь, вам будет здесь удобно. Желаете ли чай или кофе?

– Кофе. Покрепче, – кивнул Владимир Иванович, разом взявшись за дело. – Буду также признателен за ваше содействие.

– Содействие? – удивилась я. Мне не нравилось это слово.

– Я буду проводить беседы по очереди, – пояснил он и уставился на меня немигающим взглядом. – Нужно будет приглашать...участников. После я также хочу осмотреть комнату покойного.

– Да, конечно. Я все вам покажу.

Последующие допросы длились несколько часов. Все это время я вынуждена была про-сидеть в гостиной в ожидании очередной смены подозреваемых. Было вполне очевидно, что следователь видит убийцу в каждом из нас и не намерен отвлекаться ни на красивые глазки, ни на слащавые сказки. И бледные лица покидающих кабинет лишь подтверждали это.

Со мной пожелали поговорить последней. Честно говоря, я уже ждала с нетерпением своей очереди, ибо терпеть больше не было сил.

Я присела в кресло напротив следователя. Его помощник сидел поодаль у окна и быстро записывал показания.

Почему-то вспомнился один из альбомов со старинными гравюрами, стоявший в стел-лаже по правую руку от меня. Он был посвящен деяниям инквизиции и ее методам ведения допросов.

Но следователь приятно улыбнулся, и я робко понадеялась, что обойдется.

– Как давно вы работаете на Давида Терновцова?

– Два года.

– Вы были его помощницей?

– Да.

– И уволились сразу после его смерти?

– Верно.

– Почему?

– Надобность в моих услугах отпала.

– Странно... Все члены семьи подчеркивали ваши заслуги. Гражданская супруга покой-ного предлагала вам работу уже своего ассистента, разве нет?

К чему вели вопросы следователя было вполне очевидно. Мне не хотелось отвечать на еще не прозвучавший вопрос. Но был он неминуемым. Как и то, что теперь истинная причина моего появления в особняке, тщательно хранившаяся до сегодняшнего дня в секрете, потеряла всякую актуальность. Эта информация больше не была способна никому навредить. Ранить Давида.

– Давид часто шутил, что наш с ним контракт расторгнет только смерть. Он был прав. Контракт оказался пожизненным. До самого последнего его дня.

Произносить в слух то, о чем я тщательно молчала все это время оказалось сложнее, чем я могла подумать. Меня не отпускало чувство, что я предаю Давида. Хотя это было и не так. Более того, я прекрасно понимала, что побывавшие в кабинете до меня обитатели особняка уже поведали обо всем, и в деталях. Но легче от этого не стало.

И все же нужно идти до конца. Значит, веянья собственной души пока не актуальны.

– Я работала в медицинском центре, где Давид проходил лечение. К моменту нашего знакомства неутешительный диагноз ему уже был поставлен.

– Терновцов предложил вам работу в качестве его медсестры?

Мой уход из медцентра никоим образом не был связан с Давидом. Но его предложение совпало с переменами в моей собственной жизни. Однако об этом знать следствию излишне. Достаточно формальных фактов, подтвержденных трудовой книжкой.

– Уволившись из клиники, я перешла на работу к нему. Давид был человеком гордым и не хотел, чтобы кто-то знал, что теперь его повсюду сопровождает врач. Посему мою должность окрестили «секретарь».

– Насколько я понимаю, функции личного помощника вы тоже выполняли? – прищурился следователь. Я кивнула.

– Состояние Давида постоянно менялось. То вверх, то вниз. А занятие мне он находил всегда. И я благодарна ему за это. Это была потрясающая школа жизни.

– Не совсем понимаю. Что именно вы делали для него?

– Что взбрет в голову великому гению, – искренне улыбнулась я, вспоминая прошедшее. – От покупки редчайшего сорта роз, что растет только в саду английской королевы, до роли натурщицы.

– Натурщицы? – переспросил младший следователь. Теперь я буду называть их так: Старший и Младший.

Блеск в его глазах мне не понравился, промелькнувшая на губах улыбочка еще меньше. Но сохранять спокойствие при любых обстоятельствах еще одна наука, что я постигла рядом с Давидом.

– Да, Давид писал мой портрет. Точнее, несколько. Кажется, это был его способ бороться со скукой.

– Его картины продаются на крупнейших аукционах мира, не так ли? – спросил Старший. Я кивнула. – Дороговато лекарство от скуки.

– Ему оно ничего не стоило.

– Давид оказался человеком щедрым, не так ли?

– Всегда был. Это подтвердит каждый, кто с ним общался. Большинство нынешних звезд кино и сцены обязаны своим успехом ему.

– Судя по всему, в своем завещании он не был столь... великодушен?

– Не мне судить. Я, как и другие три его сотрудника, была более чем вознаграждена.

– Его...

Старший замаялся и даже посмотрел с надеждой на меня. Бедняга, как окрестить гарем Терновцова и не на кликать на себя проблем, он не придумал. Я пришла на выручку:

– Спутницы.

– Верно. Его спутницы были не столь щедро одарены. Насколько я понимаю, речь шла лишь о каких-то сувенирах на память?

Я посоветовала себе быть как можно более осторожной. Лед под моими ногами трещал и расползался.

– Не мне судить о его решениях.

– Но ведь у вас есть собственное мнение о происходящем?

– Меня учили не лезть в чужие дела. Стараюсь следовать этому правилу.

– Похоже, Терновцов знал, кого брать в помощники, – не сдержал улыбку Старший.

Но взгляд тут же похолодел. Мы дошли до главного.

– Его нашли именно вы, не так ли?

– Да. Все верно.

Сердце ухнуло вниз. Непрошенные воспоминания замелькали перед глазами. Я поспешно потянулась к стакану с водой и сделала несколько глотков. Меня не торопили.

– Тот день ничем не отличался от десятка других. Давида пригласили на вручение очередной премии. Он не хотел тратить на это время и отправил меня.

– Раньше такое случалось?

– Постоянно.

– Мероприятие проходило в Манеже. Честно говоря, я хотела сжульничать и приехать к вручению награды. Но Давид настоял, чтобы я была там в самом начале. В итоге, я проторчала там почти четыре часа. Еще и угодила в пробку на обратном пути. В Эдем вернулась около двенадцати. Он был уже мертв.

Не сдержавшись, я поспешно отвернулась. Но быстро взяла себя в руки.

– Он был в саду. В Сиреновой беседке.

– Сиреновой?

– Да. За правым крылом здания, ближе к реке. Возле нее цветет сирень, в это время года он чаще всего проводил время там. Давид говорил, что ее аромат напоминал ему о самом важном.

– О чем?

– Не знаю. Никогда не спрашивала.

– Не интересно?

– Даже очень. Но у нас было правило.

– Какое?

– Не лезть друг другу в душу.

– Что произошло дальше?

– Я вызвала скорую помощь. Бригада врачей приехала вместе с полицией. Давида забрали. Похоронили. А теперь выяснилось...

– Вернемся ко дню его смерти, – вежливо, но непреклонно, сказал Старший. – Вы уверены, что в доме никого не было, когда вы вернулись?

– Уверена.

– Дом большой, даже очень. Прилегающая территория просто огромна. Здесь так легко затеряться...

Мне вдруг стало страшно. Я вспомнила себя, идущую в сумерках белой ночи к беседке. Я искала и звала его по всему дому, он не откликнулся. Я не слишком удивилась, не обеспокоилась. Старший прав, на столь большом пространстве потеряться не мудрено.

Не найдя Давида в особняке, я направилась к Сиреновой беседке. Все последние дни он проводил там. Даже если моросил дождь.

Я увидела его издали. Закутанного в плед. На столе мерцали свечи, тускло горели фонарики. Он, конечно же, проигнорировал мой запрет и выкурил сигару. Да еще и коллекционного виски пригубил.

Готовясь чуть пожурить его и рассказать о скучной премии, я приблизилась. Он был мертв, я поняла это сразу. По устремленным в вечность глазам.

Я сжала руку в кулак. Почудилось, что я только что закрыла его веки. Но это было давно. Я должна сосредоточиться. Обязана.

– Вы правы, если бы кто-то решил спрятаться в Эдеме, то сделать это проще простого. Но, что так, что эдак я в тот вечер никого не видела.

– Куда же все подевались?

– Разве они вам не рассказали?

– Рассказали. Но куда интереснее, что говорили вам.

– Мне кажется, вы преувеличиваете.

– Отнюдь. Итак?

– Хорошо, – согласилась я с неизбежным и попыталась вспомнить, что мне было известно.

Вышло не очень. Точнее, совсем никак. Я понятия не имела куда все разбежались в тот злополучный день. Если бы не смерть Давида, подобное даже не вызвало бы удивления. У каждого свои дела, своя жизнь, своя работа. А мое любопытство на обитателей особняка не распространялось, мне не было дела до того, кто и чем занимается. За исключением Давида, конечно. Ему принадлежало все мое время. Остальные частенько оказывались за пределами моей реальности.

Расстроился ли Старший или нет – неясно. Он все также был отстранен и подозрителен. Но неожиданно улыбнулся вполне по-человечески и сказал:

– Покажите нам покои гения?

Подобный оборот речи мне по вкусу не пришелся. Что можно домашним, запрещено чужим. Что позволено Юпитеру, не позволено быку.

Однако, учитывая обстоятельства, пришлось это проглотить. Вежливо улыбнуться и, демонстрируя большую охоту помогать следствию, сказать:

– Следуйте за мной.

Стараясь абстрагироваться от происходящего, я замерла неподвижной статуей подле окна. Следователи выполняли свою работу, я знала. Но за то, что они копались в вещах Давида без спроса с пошлым и обывательским любопытством, мне хотелось орать на них, гнать их отсюда плетью.

Но я продолжала смиренно стоять в своем углу. Выравнивая дыхание, вглядывалась в гладь реки. Давид не зря облюбовал именно третий этаж особняка. Нигде не было так много воздуха и света, как здесь. И, благодаря высотности и дизайнерскому замыслу архитектора, только из его студии просматривались все четыре стороны света. Идеальная панорама. Идеальное место для творца.

В небольшой гостиной уютные мягкие кресла, диван, экран на всю стену (именно здесь он просматривал работы своей киностудии). В отличие от студии и гостиной, его спальня была совсем мала. Широкая кровать, глубокое мягкое кресло с пледом на подлокотнике, журнальный столик и стопка книг на нем. Вот и все убранство. Единственное украшение – огромный действующий камин. Зато до студии всего пару шагов. Но и они целый путь для страдающего от неотпускающей нестерпимой боли.

Постель развернута к окну. Последние дни он, съедаемый болью, подолгу лежал неподвижно. Всмотривался в небо, кроны деревьев, реку. Она успокаивала его, будто бы уносила боль и страх. Теперь он не чувствует боли.

Я трянула головой и обернулась. Поймав мой взгляд, Старший сказал:

– Мы закончили.

Я кивнула. Мне вдруг все стало совершенно безразлично.

Осмотрев еще часть помещений особняка, следователи уехали. В особняке царил напрягающая тишина. Выждав несколько минут, я вернулась в кабинет и плотно прикрыла за собой дверь. Быстро пересекла кабинет и приблизилась к стеллажу с книгами, что стоял ближе всего к следователям и допрашиваемым. Поднялась на кончиках пальцев и раздвинула книги. Ловко вытащила крошечный диктофон и отправила его в свой карман.

Уже не спеша направилась из кабинета. Открыла дверь и нос к носу столкнулась с Русиком:

– Менты уехали? – нервно спросил он. Я поинтересовалась любезно:

– Попросить вернуться?

Русик резко ухватил меня за плечи и треснул о стену. Не больно, но страшненько.

– Думаешь, самая умная, да? Так подумай вот о чем – теперь тебя защищать не кому!

Старик помер, и никто за тебя не вступится.

– Восхищена твоей храбростью, – с удобством облокотившись о стену и не пытаясь вырваться на радость врагу, хмыкнула я. – Как ты считаешь, мне следует рассказать полиции о том, что ты украл его лекарства? Наркоман в доме, где произошло убийство... Им ведь будет интересно.

– Не докажешь, – отшатнувшись от меня, зашипел Русик.

Я сложила руки на груди и усмехнулась:

– Учитывая обстоятельства, это и не обязательно. Давид не хотел шума и не стал обращаться в полицию, здесь ты прав. Но интерес следователей вызовет сама ситуация. Спорим, вдовы охотно подтвердят, что ты вор?

– Сука!

– Ага, – кивнула я. – Причем, это ведь далеко не все, о чем я могу поведать полиции... Так что, не нарывайся и ближе, чем на метр ко мне не подходи. Усек, золотце?

Русик заскрипел зубами от злости. Но врожденная трусость, как всегда, победила и, поджав хвост, он побежал жаловаться на меня Ольге.

Я же заперлась в своей спальне и достала диктофон. Подключила наушники и растворилась в чужих диалогах.

Значительно позже, вытянувшись на постели, я попыталась систематизировать услышанное. И понять, насколько верю словам, что были произнесены в присутствии следователей.

В момент смерти Давида Лика была с Леной. День она провела на съемочной площадке, а вечер с сестрой. После короткого похода по магазинам, они заехали в квартиру Лены (Давид однажды подарил по апартаментам обеим сестрам на Восьмое марта). Лена хотела полить цветы перед тем, как уехать в особняк. Но сестры, как это водится, заболтались, потом стали примерять покупки. В итоге, в особняк они вернулись лишь ближе к ночи. О смерти Давида узнали от меня.

Показания сестер был выверены и схожи до мельчайших деталей. Не менее синхронизированными выглядели слова Ольги и Русика. Оба заверяли следователя, что вечер провели вместе, в их городской квартире.

Дома провела вечер и Нина. Подтвердить или опровергнуть ее слова было некому. То, что живет она в пешей доступности от Эдема явно заинтересовало следователей.

Стелле повезло больше. Весь день она общалась с потусторонним миром во благо своих клиентов. Последний сеанс магии закончился в одиннадцать вечера. Посему быть в Эдеме она никак не могла.

Люба вечер провела с внуками, так как ее дочь отправилась на вторую работу. Из-за острой нехватки денег, женщина дважды в неделю прибиралась в учебном центре рядом с домом. Занятия в центре проходили для взрослых и заканчивались в десять, начале одиннадцатого. После этого она и прибирала. Люба же оставалась с внуками. О том, чтобы незаметно оставить трех малышей не могло быть и речи. К тому же, до дома ее довез водитель. А добраться в особняк самостоятельно она бы вряд ли смогла. Таксопарки проверяли и заказов по данному направлению не нашли.

Отвезя домой кухарку, Юра поехал на юбилей к другу. У Давида он отпрашивался заранее и следующий день брал как день отпуска, чтобы успеть прийти в себя после празднования. Гости хлебосольного застолья подтвердили, что он никуда не отлучался и остался в доме юбиляра на ночь.

Геннадий этот вечер планировал провести в Эдеме, но Давид отправил его в город, поручив забрать на киностудии цветы для сада. Их привезли сотрудники Давида по его просьбе из Хорватии, где проходили съемки одного из фильмов. . Оставляя их без присмотра было опасно, следовало посадить в землю как можно скорее. Посему Геннадий должен был быть в киностудии с самого утра, а затем мчаться в особняк. С этой целью он и вернулся в город заранее, заночевал в своей квартире один.

Наташа была из местных и проживала в крупном областном поселке по соседству. Ее супруг, врач поселковой ветстанции, обычно привозил и забирал супругу. Так вышло и в этот раз. Вечер они провели вместе.

Самым железобетонным алиби из всех нас обладал Глеб. Он был в Америке, что подтверждают данные Пограничной Службы. А с ними не поспорить.

Говоря о вдовах между собой, следователи считали заинтересованной в убийстве каждую. Увы, меня они охотно причислили к ним.

Единственное, что играло в мою пользу, так это медицинское образование. Оба следователя без лишних обсуждений сошлись во мнении, что я могла убить Давида без всяких следов. Так, чтобы не возникло вопросов даже у судмедэксперта. Однако Терновцов был отправлен мышьяком, что говорит о скудных познаниях убийцы.

Следователи считали, что яд был добавлен в виски. Однако на бокале были найдены только отпечатки жертвы и кухарки. Последнее неудивительно, ведь посуду в доме моет именно она. На бутылке же были обнаружены лишь отпечатки самого Давида.

Складывалось впечатление, что убийца присоединился к Давиду в беседке и за разговором незаметно подмешал яд. Учитывая общую рассеянность Давида, вызванную сильными препаратами, что он принимал, и почти пустую бутылку виски, он ничего не заметил. Доза яда была колоссальна. Смерть практически мгновенна. Убийца действовал наверняка.

Скопировав данные с диктофона, я переслала их по электронной почте. Адреса отправителя и адресата были однодневками. Все, как учили классики шпионажа.

Очистив память диктофона, я вернула его на место. Покинула кабинет и направилась на кухню. Меня слегка потряхивало. Не мешало бы выпить горячего чая.

Но поставив чайник, я увидела бредущую по дорожке Нину. Она направлялась к Сириновой беседке. Подумав, я присоединилась.

Присела рядом с ней. Воспоминания вновь опутали меня, а слова все куда-то исчезли.

Нина заговорила, не отрывая взгляда от дивного вида – он был последним, что увидел ее брат.

– Чего ты боишься, Лиза?

– Сплетен. Злых разговоров. Бесконечного шушуканья по углам.

– Я сделала все, чтобы этого не случилось, – равнодушно сказала она. – Следствие на контроле в самых высоких кабинетах. Огласка практически исключена.

– Журналисты...

– Это забота Юльки, – отрезала Нина, в голосе прозвучали стальные нотки. – Не твоя.

– Что тогда моя забота?

– Быть начеку. Не зевать, когда все начнется.

– А если ничего не начнется? – не сдержалась я. – Давида нет. Убийца своего добился.

– Разве? – прищурилась Нина.

Я отвернулась. Это было нечестно. Ведь именно я закрывала его веки. Организовывала похороны. Даже за тем, что он хорошо выглядит в гробу проследила тоже я. Разве можно сказать, что убийство не удалось?

– У всего есть причина. Скоро мы ее узнаем. Ждать осталось недолго.

Ее слова были тихи и спокойны. Она твердила их как мантру. Мне же вдруг подумалось, что младшая сестра Давида, всегда до предела рациональная и продуманная, от горя не в себе. Такое случается. Мне ли не знать?

Горе ломает всех.

Разница лишь в том, что кто-то научается жить с ним и находит в себе силы идти дальше, а кто-то нет. И иногда на этом пути побеждают те, в ком силы, казалось, на пол наперстка.

Мы ничего о себе не знаем. Пока не дойдем до черты. Или, что страшнее всего, пока не переступим ее, и не настанет момент нового выбора.

Куда теперь?

Оставив Нину, я спустилась к реке. Возвращаться в особняк не было ровным счетом никакого желания. Обычно, даже во время прогулок, я ходила довольно быстро. Но сейчас тянула каждый шаг. Всеми силами замедляя неизбежное возвращение.

Река сегодня была смирной, даже игривой. Шелестя, касалась волнами огромных камней, берега и неслась дальше. Берег в этом месте был высок и крут, спускаться вниз решился бы только тот, кто имеет пару жизней про запас.

Я остановилась на самом краю. Закрыв глаза, подставила лицо солнцу. Приятный ветер, едва касаясь развивал мои волосы.

– Прячешься?

Вздвогнув, я резко обернулась. Потеряв равновесие, пошатнулась. Глеб тут же оказался рядом и с силой ухватил меня за талию.

Я поспешно отстранилась. Сказала смущенно:

– Прости.

– Ты прости. Не хотел напугать.

– Что ты здесь делаешь? – не придумав ничего лучше, спросила я.

– Шел за тобой.

Он сказал это так просто и буднично, будто преследовать девиц по лесам – норма жизни.

– Я не собиралась прыгать с обрыва, если тебя это беспокоит.

– Не беспокоит, – пожал он плечами. – В твоих мозгах я не сомневаюсь.

– Ты просто бог комплиментов.

– Я технарь, – виновато улыбнулся он. – Лирика мне не по вкусу. Но, если хочешь, могу зауглить пару рейтинговых фраз. Из тех, что нравятся как минимум девяноста семи процентам женщин.

– Обойдусь.

– Злишься?

– Не на тебя.

– Понимаю.

– Ты ведь не просто так пошел за мной? Чего ты хочешь?

– Почему мне кажется, что этот вопрос ты повторяешь непрерывно последние два дня?

– Тебе не кажется.

Глеб задумался. Мне стало неуютно рядом. Но уйти я даже не подумала. Не находя больше ничего приятного в уединении с природой, ждала.

– Я считаю, что смерть отца как-то связана с киностудией.

Признаться, подобное мне в голову не приходило. По сути, трезвых, не навеянных сюжетами эмоциями и впечатлениями идей у меня не имелось. Зато подозреваемых хоть отбавляй – целый дом набился.

– Отравление – женский метод. Так говорят.

– Любишь детективы?

– Только в кино и книгах.

– И только с хэппи-эндом?

– Скверных историй и в жизни хватает.

– И то верно.

– Так, почему киностудия?

– Для всего нужна причина, – пожал он плечами. – Говоря на языке сыщиков – мотив.

– Любовь?

– Проще, – усмехнулся он. – Деньги.

Логика Глеба была понятна. История стара, как мир. Убийца позарился на чужое. Следуя на поводу у собственной алчности, пролил чужую кровь.

Но остался ни с чем. Столь желаемое богатство (а в данном случае, киностудия – львиная доля всего наследства) ушло к другому. Причем, вполне законно и непоправимо.

Примечательно другое. Будь мотивом преступления любовь или алчность, круг подозреваемых не менялся. Любая из жен Давида могла унаследовать киностудию. Так же, как и сестра.

– Они все зависели от него, так? Я имею ввиду в материальном плане.

– Я бы так не сказала. По словам Стеллы, клиенты купают ее в деньгах. Лица, если верить прессе, не только одна из самых многообещающих актрис, но и в числе самых высокооплачиваемых. Ольга и Юлька работают на киностудию, верно. Но, если что-то не заладится, Юлька без труда найдет аналогичную должность. Она, что называется, нарасхват. Ольга? Не знаю, если честно. Наверное, за столько лет на высокой должности что-то скопила.

– Зависят, причем полностью, – кивнул Глеб. Усмехнулся моему недоумению. – Каждая из них в фаворе, уверенно стоит на ногах, получает солидные деньги. Но одно слово отца – и все лопается, как мыльный пузырь. Фортуна медиума изменчива. Сегодня верующие предпочитают одного пастыря, завтра – другого. Покажи им новый фокус или просто намекни на него, перебегут в миг. Отцу такая штука под силу. По сути, чтобы разрушить ее карьеру, ему бы даже с дивана не пришлось подниматься. С Ликой то же самое. У нее есть роли и контракты, пока он того желает. Супер-профи Юлька – стопроцентная безработная, если он даст ей плохую характеристику. Кому нужен пиарщик с подмоченной репутацией? А Ольга... С ней и того проще. Она достигла пенсионного возраста. Киностудия на общих основаниях может проститься с ней в любой момент. И тогда останется только проедать запасы. Если они есть, конечно.

– Ты жесток.

– А ты наивна.

– Давид не поступил бы с ними так.

– Блажен, кто верует. Ты понятия не имеешь, кем был мой отец. Видишь только то, что он желал тебе показать.

– А ты? Ты знаешь его?

– Достаточно, чтобы жить реальностью, а не иллюзиями.

– Я не буду с тобой спорить. Но и ты меня не разубедишь.

– Даже и пытаться не стану. Ты прозреешь сама. Причем, довольно скоро. Ведь уже многие вещи кажутся тебе не теми, что были еще вчера. Не так ли?

Я отвернулась в досаде. Глеб усмехнулся. Ну и самомнение!

– В таком случае, можешь и меня в свой список смело внести. Ведь, пожелай он, я бы тоже лишилась работы и, как следствие, источника дохода. Чем же не повод для убийства?

– Нет, ты – не вариант.

– Это почему еще?

– Слишком просто.

Не выдержав, я стремительно зашагала вдоль берега. Я надеялась, что Терновцов-младший, побоясь уронить корону, не пойдет за мной. Но ошиблась. Он шел со мной рядом и поглядывал с раздражающей улыбочкой. Примерно как на нерадивое упрямое дитя, что совсем не хочет слушать взрослых.

Я резко затормозила. Развернулась к нему и, сжав руки в кулаки, сказала:

– Как же ты меня бесишь!

Он вовсе не обиделся. Чуть склонил голову на бок и посмотрел с интересом. Ветерок растрепал его непослушные темные волосы.

– Если хочешь, можешь на меня наорать.

– Зачем это? – растерялась я.

- Полегче станет.
- Не станет, -пробурчала я и, уже не несясь, поплелась дальше.
- Продолжим? – уточнил он. Я вяло ответила:
- Валяй.
- Итак, я убежден, что все дело в деньгах. Деньги – это киностудия. Соответственно, завтра мы туда и наведемся.
- Мы?
- Я и ты. Ты и я. Мы.
- Юлька и Ольга знают куда больше о тамошних делах и пользы от них несравнимо больше.
- Нет. Я все решил. Мне нужна ты.
- Решил? Круто. Я вот нет.
- Еще как. Ты свой выбор сделала уже давно. Скажешь, нет?
- Я бы многое могла сказать, но увидела из-за его плеча Юльку, пробирающуюся по лесной тропинке к нам. Глеб проследил мой взгляд и тоже ее заметил. Подмигнул мне и направился обратно в особняк.
- Я же ждала пока приблизится Юлька. И радовалась тому, что у меня есть пара минут на передышку.
- Что ему надо? – сразу бросилась в бой Юлька.
- Глеб уже был довольно далеко и слышать ее не мог. Также как и видеть. А не то пришлось бы ей прятать свою сердитость куда подальше да надевать улыбку получше.
- Фу, как грубо. Все ж таки твой новый работодатель.
- Вот ведь засада, – поморщилась Юлька. – Как думаешь, он будет вмешиваться в дела киностудии?
- Ни малейшего понятия.
- Надеюсь, нет. У него и своих забот должно хватать. К тому же, он в России толком не бывает.
- Родина всегда рада своим подданным.
- Вот столкну тебя сейчас в реку, будешь знать.
- Два убийства за неделю – перебор.
- Балда, – выдохнула Юлька и повисла на моей руке. – Уволят меня, а?
- Тебя это пугает?
- Не особо, – подумав, сказала она. – То есть, будь Давид жив, я бы убивалась. А так... Есть столько сфер, где я еще не побеждала.
- Радикально.
- Сама удивляюсь. Но это вовсе не значит, что я схожу с дистанции. Не собираюсь уступать этим курицам. Чтобы не задумал Давид, я узнаю об этом первой.
- Ура.
- Чего ты злишься?
- По-твоему, я должна радоваться, что стала подозреваемой в убийстве?
- Юлька нахмурилась. Но даже ее изворотливости не хватило на то, чтобы перевернуть имеющиеся факты.
- Разберемся.
- Мне бы твою уверенность.
- Скажи лучше, чего от тебя хотел блудный сын?
- Не называй его так. Это...обидно.
- Юлька нахмурилась и посмотрела с подозрением.
- Даже не думай в него влюбиться. Это не для тебя!
- Любовь не для меня?

– Игра в любовь. Это, знаешь ли, искусство. Не умеешь – не берись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.